

Наталья Еропова

МАРТА

18+

Наталия Еропова

Марта

<https://litres.ru/73905008>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вот так, оказывается, бывает! Живешь себе, стараешься, разбираешься с родителями-алкоголиками, становишься совладелицей успешного пиар-агентства, жизнь налаживается А потом бац! Безумная женщина, которую ты даже не знаешь, сначала плачет тебе в телефон, потом угрожает, потом исполняет угрозу. Неудачный клиент становится мужчиной мечты. Сын олигарха набивается в стажеры, а бывший коллега пытается подстроить твою репутационную смерть. И твоя «минута славы» - это огненный эфир на популярном канале, но ты там с синяком на пол лица

Марта – человек, собственными руками вытянувший себя из мира изгоев. Человек, понимающий законы современных информационных потоков и сумевший даже ненависть толпы обернуть себе на пользу. А сам роман – легкое чтение с глубокими смыслами, позволяющее в итоге по-новому взглянуть на то, что происходит в медиа и получить инструменты, позволяющие отличать правду от лжи и манипуляций.

Содержание

Точка входа	4
Мужчина и женщина	6
Все решают котики	14
Паспорт как аргумент	21
Люди с картинки мечты	29
Визиты к родителям	41
Кляуза	48
Совещание	52
Вкусные поцелуи	60
Успехи Петра и Петровича	69
Сила белого цветка	71
Безумная Лика и ее железная мама	77
Неожиданный мальчик	84
Ой...	91
Удар под дых	95
К гадалке не ходи	100
Мам, пап, знакомьтесь, это Марта	115
Общественности нужен враг	122
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Наталия Еропова

Марта

Точка входа

Приветствую, дорогие читатели!

Несколько слов о том, что за книга перед вами. «Марта» – это легкий роман о серьезных вещах. Все начинается как обычная романтическая история, приправленная ревностью, но постепенно добавляются новые акценты.

Первый – это история формирования сильной личности. У Марты было не самое счастливое детство, но даже в жизненных испытаниях она научилась находить много хорошего. Героиня помогает по-новому взглянуть на привычные сложности, и делает это без лишней драматизации. Марта – человек, который справился, поэтому даже острые ситуации она принимает спокойно, а на прошлое смотрит без страданий, но с мудростью.

Второй акцент, ради которого стоит обязательно прочитать эту книгу – это наша с вами информационная реальность. Здесь показываются некоторые механизмы управления вниманием и эмоциями, влияния на принятие решений, в том числе жизненно важных.

Чего ждать от романа? Постепенного раскрытия сюжета,

добавления глубины, интересных фактов, которые в конечном итоге позволят по-новому взглянуть на привычные рекламные ролики или новостную ленту. А также теплой любовной линии и приятного офисного шарма, немножко зрелой философии и кое-какой практической пользы ближе к финалу. И доброго окончания, после которого есть и над чем подумать, и о чем порадоваться. Приятного чтения!

***

Кто владеет информацией, тот владеет миром – слышали про такое? Новые вводные: сегодня мир подчиняется не тому, кто просто что-то знает, а тому, кто умеет сам создавать информацию и оперировать ею: интерпретировать, расставлять акценты и направлять главную валюту современности – человеческое внимание, в нужную сторону. А выживает – тот, кто умеет отделять правду от вымысла, а искренность от манипуляций.

Мужчина и женщина

- Пожалуйста, я вас очень прошу, оставьте в покое моего мужа! - умоляет меня в телефоне нежный плачущий голосок с драматической хрипотцой.

Что за фигня? Девушка ошиблась? Чей-то странный розыгрыш? Мошенники придумали какое-то новое мошенничество с переподвыподвертом? Подумав, выбираю первый вариант:

- Знаете, кажется, вы меня с кем-то путаете.

- Марта Пономарева, это же вы?

- Я.

- Значит, я ничего не путаю, - всхлипывает она, и с отчаянием добавляет: - Поймите, я не переживу, если он меня бросит! Я умру, правда, умру! Я не смогу без него жить, понимаете? Я повешусь! Вены... Под машину брошусь!!!

Верю. Очень верю. Мои чуткие уши ловят вполне реальное отчаяние в ее голосе, но это ничего не проясняет. Я понятия не имею, кто она, откуда меня знает, и о каком, черт ее дери, муже толкует. У меня же все контакты исключительно деловые! Ну, почти. Один чуть вышел за эти рамки, но и то самым краешком...

Я бросаю взгляд на букет. Дорогущие огромные эквадорские розы алым куполом возвышаются над вазой на комод. Августовское солнце красиво высвечивает их свежие плот-

ные розетки, благодаря игре света и тени бархатистые края лепестков кажутся почти черными. Эти цветы созданы для глубокого эстетического удовольствия, и тот, кто их прислал, уже успел вызвать во мне заманчивый чувственный отклик.

Розы доставлены полчаса назад, когда я, не выходя из пижамы, лениво вкушала свой поздний субботний завтрак. Неделя выдалась тяжелейшая, и я решила посвятить выходные незатейливым радостям жизни, вроде сеанса массажа, похода в кино и ужина в любимом ресторанчике с видом на залив. Как сказала бы моя бывшая соседка, тетя Марина: «Выходные ленивой профурсетки!». Но после весьма неблагоприятного детства и юности пора относительного процветания и уверенности в завтрашнем дне пришла ко мне лишь несколько лет назад. И проводить свободное время в заслуженной праздности с прицелом на удовольствие мне все еще не надоело. Нагрузки для ума мне и в будни достаточно, а душа вообще за многое отпахала авансом. Впрочем, этому таинственному органу, по-моему, всегда работы хватает.

Нежданные цветы, безусловно, очень подняли мне настроение, тем более что к ним прилагалась записка с приглашением на свидание. И попивая кофе, я как раз размышляла над тем, стоит ли его принимать. А тут этот звонок...

- Так, давайте по порядку, - спокойно предлагаю я. - Кто вы? Кто ваш муж и почему вы решили, что я хочу у вас его украсть?

- Марк мне сам об этом сказал, - я слышу, как она судорожно сглатывает. - Вчера вечером он пришел домой и сказал, что хочет развестись. Что встретил вас, что влюбился и не видит смысла меня обманывать... Он очень благородный! - ее горло пережимает новый спазм, и требуется некоторое время, чтобы она отдышалась и могла продолжать. - Очень хороший! Но я вас очень прошу, не забирайте его у меня, я не смогу дальше жить...

Так. Значит, все-таки Марк. Эх, розы, розы... Бред какой-то!

Марк Михайлович Савченко, руководитель направления продаж компании «Ноксархи», несостоявшегося клиента нашего пиар и маркетингового агентства «Видали?!». Мы познакомились вчера, когда вместе с Артемом Белых они приехали для обсуждения возможного сотрудничества.

Первым впечатлением от знакомства было: «Да, это он!». Прошу заметить, не что-то вроде: «Ого, какой мужчина, хотелось бы узнать его получше», а сразу и категорически - «Он!». Абсолютно в моем вкусе человек. Если коротко, он выглядит как помесь русского богатыря и предпринимателя, порожденного современным мегаполисом. Мощная фактура, хороший костюм, достоинство в движениях. Лицо, правда, простецкое, но хорошая прическа и аккуратная бородка-эспаньолка добавляют интересности. Стильный, но не переслащенный.

Но это все, конечно, бонусы. Настоящее восхищение при-

шло, когда он заговорил. Даже в той сомнительной ситуации он выражал свои мысли очень четко, корректно, обстоятельно. Умного человека видно сразу, а умные мужчины – моя слабость. Плюс уверенная подача, полная непоказного, но очень хорошо ощутимого самоуважения с очаровательным налетом современной питерской интеллигентности.

Я среагировала на него молниеносно, раньше, чем сообразила. А он среагировал на меня. Я не супермодель, и вообще не модель – прямые русые волосы до плеч, серые глаза, обычное лицо, нормальная женская фигура. Но волосы ухоженные – шелковистые, блестящие. Кожа гладкая, свежая, плюс хороший макияж. Плюс стильный дизайнерский костюм. И самый главный плюс, самое крутое украшение любого человека – здоровое самолюбие и не напускная уверенность в себе. Вот это и есть настоящий магнит, и Марк на него откликнулся – я читала это в его взгляде также ясно, как ощущала гормональную реакцию в своем теле. На этом все. Он – клиент. Я – поставщик услуг. Два профессионала.

Я провела сорокаминутное интервью, собрала вводные данные, уточнила детали. Естественно, общаться было приятно. Очень приятно. Вообще сексуальное влечение, особенно взаимное, если подходить к нему с трезвой головой, способно упростить многие процессы именно потому, что люди расположены друг к другу, меньше склонны к конфликтам, и больше – к взаимовыгодным действиям. Мы легко перешли на «ты», с удовольствием общались. Но там даже флирта не

было, просто мы знали, что понравились друг другу. Взрослые же люди, в конце концов!

Его спутник, заметно более молодой и тоже по-своему интересный, показался мне слишком отстраненным. Выглядел как подросток – тонкий, длинный, с пижонской светлой челкой, постоянно спадающей на пронзительные голубые глаза. Одет очень просто: широкие бежевые брюки, кроссовки, темно-синяя футболка-поло, обычная куртка, «умный браслет». Да, вещи качественные, но неприметные, никаких тебе дорогих костюмов или аксессуаров, работающих на впечатление, которых подспудно ожидаешь от сына владельца крупной компании. Нет, по каким-то своим соображениям сын олигарха успешно мимикрировал под обычного парнишку из питерского метро.

Практически на протяжении всей встречи он сидел со скупающим, даже я бы сказала, нарочито утомленным выражением лица, и оживился лишь в конце, когда я им отказала. Причина отказа – слишком жесткие рамки. Так бывает, когда заказчик уверен, что лучше знает, как надо и не готов принимать доводы исполнителя. Но в той идее, которую они предлагали, было слишком мало потенциала. Поэтому нет. Это наша нормальная практика — не брать то, с чем мы не готовы справиться. Не взятые на себя обязательства лучше, чем невыполненные.

Причем у меня сложилось впечатление, что и Савченко не сильно горит желанием развивать эту тему, и зачем они

пришли мне, если честно, было не совсем понятно. Тем не менее, я аккуратно объяснила, почему драйверов для раскрутки проекта в настоящее время недостаточно, попутно добавила несколько рекомендаций, на чем можно сфокусироваться, если они все же продолжают копать эту тему.

Вот здесь Артем вдруг заинтересовался, слушал внимательно, иногда даже поднимал брови с выражением «О! А вот это интересно!». Уж не знаю, что именно его так порадовало, но это тоже наша нормальная практика — отказать клиенту так, чтобы он остался доволен. Это часть нашего сервисного подхода, а я давно уже поняла, что сервис работает на имидж едва ли не сильнее, чем профессионализм.

Собственно, на этом мы вчера и распрощались. Сегодня Марк прислал цветы, а через полчаса позвонила эта барышня и собирается умирать с искренней верой, что я увожу ее мужа.

На минуточку, колечка-то на пальце у него не было. И вообще, между нами говоря, если женатый мужчина испытывает столь активный интерес к посторонней женщине, значит, в браке давно уже большие, и даже вполне вероятно, что летальные проблемы.

Что не исключает того простого факта, что я никого никуда уводить не буду. Даже такого лапочку, как Марк. На фига мне человек, которого вот так по щелчку пальцев можно увести? И вообще, женатики — не моя стихия.

- Послушайте, как вас зовут?

- Лика, - всхлипывает она.

- Послушайте, Лика, я вам клянусь, у меня с вашим Марком ничего нет, и не было. Я его видела один-единственный раз в жизни, вчера на переговорах. Никого никуда уводить я не собираюсь. Обещаю вам, прямо сейчас напишу ему, что не собираюсь больше с ним видеться.

- Правда? - зареванным голосом переспрашивает она.

- Клянусь! Как только вы повесите трубку – сразу отправлю ему сообщение.

- Спасибо... Спасибо! Но если вы мне наврали – берегитесь! Я вам отомщу, так и знайте! Вы пожалеете! - она оперативно отсоединяется, предоставляя мне возможность привести клятву в исполнение. Психическая, не иначе.

Я лишь качаю головой и снова бормочу себе под нос:

- Что за фигня?

С минуту смотрю на розы. Они чертовски хороши, но, увы, не станут началом красивого романа. Разочарование успеваешь пробежаться по плечам своими пакостными пальчиками. Все-таки он очень мне понравился, и я видела, что это очень взаимно. И успела немножко помечтать – мы были бы такой крутой парой! Но нет. Из-за него еще и пришлось общаться с этой неуравновешенной Ликой. Как его только угораздило жениться на такой? А может, он тоже с приветом, просто намного лучше это скрывает?

Набираю сообщение: «Привет, Марк. Благодарю за цветы, они прекрасны. Мне очень приятно, но, к сожалению, я

не готова продолжать общение с тобой. Всего доброго». Вот так: вежливо, лаконично, категорично. Просто и понятно.

Он не перезванивает, ничего не пишет. Не пытается уговорить дать ему шанс или объяснить, что не так. Возможно, уже пообщался с женой, но меня это не касается, и слава Богу.

Так в моей жизни появляется мужчина «Да, это он!» и женщина «Что за фигня?».

Все решают котики

- Здравствуйте, Петр Петрович! Рада вас видеть, проходите, пожалуйста.

Он входит в мой кабинет, стараясь «держать марку» и выглядеть уверенным, но угловатость движений, трепетно сцепленные в замок пальцы, «резиновая» улыбка – все это выдает застенчивость и неловкость от присутствия здесь.

Преподаватель тщательно выбрит, аккуратно причесан, пахнет очень неплохой туалетной водой. Одет в лоферы, джинсы и а-ля кашемировый свитерок, и весь этот кэжуал ему не к лицу. В родном костюме из эконом масс-маркета, в котором пришел в первый раз, он чувствовал бы себя, наверное, поспокойнее. Но родной костюм смотрелся в наших интерьерах совсем уж скромно, а покупать более дорогой ради визитов сюда – непозволительная роскошь. Наши услуги и без того обходятся ему достаточно затратно.

- Итак, что вы мне предложите? – заискивающе интересуется он, примостившись в кресле напротив и снова, как и в прошлый раз исподволь рассматривая мой кабинет: белые стены, стеллажи, заставленные пышными комнатными растениями, репродукции картин Романа Тыртова: «Женщина с веером», «Изумительная» и «Симфония в черном», выполненные профессиональным художником под заказ. Широкий бежевый стол и комфортные, располагающие к обсто-

ательной беседе кресла.

Чуть в стороне есть еще журнальный столик и черный мягкий уголок для более непринужденных бесед. Там мы иногда заседаем с коллегами или постоянными заказчиками, ставшими уже своими и расположенными для менее официального общения. Я люблю свой кабинет и наше агентство, как продолжение себя, своего внутреннего профессионала, и мне очень хочется, чтобы людям, находящимся здесь, было приятно и уютно.

Даже таким робким посетителям, как Петр Петрович. Он – заказчик, но слишком подавлен несоответствием статусов. Ведь мы – довольно-таки известное агентство с прекрасной репутацией, а он – всего лишь не слишком талантливый блоггер-одиночка, мечтающий раскрутить свой канал. Впрочем, он обратился по адресу – и не таких раскручивали.

За его робостью просматривается еще кое-что. Блеск его глаз выдает ожидание чуда. Он верит, что вот-вот я предложу ему нечто, какое-то гениальное решение, которое, словно кран, обеспечит приток новых подписчиков к его довольно посредственному видеоблогу «Просто о биологии с Петром Петровичем».

- Да, есть хорошая идея для вас, - мягко улыбаюсь я. – Она касается вашего кота.

- Кота? – ошеломленно переспрашивает он.

- Да. У вас же есть кот?

- Есть. Петрович. Его зовут как мое отчество. То есть... В

смысле... При чем тут мой кот?

- Мы предлагаем вам взять его в соведущие. Чуть-чуть изменить название, вместо «Просто о биологии с Петром Петровичем», будет с «Просто о биологии с Петром и Петровичем». Пусть присутствует на эфирах, так сказать, помогает вам их вести. Вот презентация, я сейчас вам подробнее расскажу, как это должно выглядеть...

- Но... - он так разочарован, что не в состоянии это скрыть. Словно вместо крутого подарка в красивой большой коробке оказался банальный свисток. – Подождите... Это что? И все? Это вся идея?

Разочарование переходит в раздражение, а раздражение в обиду и злость. Я его понимаю, чего-то подобного и ожидала. Ради того, чтобы оплатить наши услуги, этот бедолага влез в кредит, и теперь чувствует себя обманутым.

Вообще, с такими вот ограниченными в финансах клиентами обычно сложнее всего. Считается, что обеспеченные люди могут вынуть из тебя всю душу прежде, чем согласовать проект, но на деле все иначе – они проще доверяют профессионалам, спокойнее относятся к разумной степени риска и не верят в волшебство. А такие вот скромняги вроде Петра Петровича, для которого обращение к нам в «Видали?!» – единственный шанс (второй он просто не потянет), хотят за свои кровные получить максимальный вау-эффект. Идеальное решение со стопроцентной гарантией.

- Знаете, - кисло продолжает он. – Это как-то... Я ожидал

чего-то более... А что, другой идеи у вас нет?

Другая идея здесь и не нужна, проблема лишь в том, что я это понимаю, а он – нет. Мы словно играем с ним в игру «Я вижу то, чего не видишь ты». И я вижу, что в своих образовательных роликах он дает весьма неплохой контент, но делает это скучно, слишком уж правильно, по-преподавательски. Эдакий великовозрастный «хороший мальчик», наивно верящий, что по экранам смартфонов и ноутбуков у него учатся такие же примерные, любознательные и дисциплинированные детки.

Но сегодня у деток есть лишь одна кнопка, способная вдохновить их на поглощение такой специфической материи, как познавательный контент. Эта кнопка называется «интерес», и включается она, когда кто-то транслирует: «Смотрите, как у меня тут все живенько, бодренько и необычно». Но у Петра Петровича ничего живенького нет, все весьма банально, поэтому под своими роликами он стабильно получает лишь по два-три лайка от самых преданных друзей.

В то же время, на своей личной странице, где он выкладывает небольшие зарисовки со своим Петровичем, он гораздо более естественный, веселый и приятный. Там он снимает свой умозрительный преподавательский «костюмчик», выходит из образа и становится забавным старшим другом, взрослым ребенком, открывающим мир в компании любимого котика. Таким я и хочу показать его аудитории: чуть

застенчивым, с мягким добрым юмором и подкупающей любовью к живой природе.

Тем более что Петрович просто создан для такого сотрудничества. Серый, желтоглазый, толстый, меховастенький. На все движения своего хозяина он смотрит со снисхождением божества, слишком непостижимого и мудрого, но готового иногда развлечения ради толкнуть лапой любопытный объект или сунуть нос в пакет, который так провокационно лежит на полу. Вдвоем они – обаятельнейшая пара и собирают лайки десятками.

Люди любят котиков – это азы маркетинга, как бы забавно это ни звучало. Я с ходу могу назвать с десятков крупных рекламных кампаний и ярких пиар-акций, где коты делали весь хайп и снимали сливки. Ежегодно ставку на пушистиков делают организации из самых разных областей: производители автомобилей и бытовой техники, бренды одежды, мебельщики, компании, управляющие сложными IT-системами, банки... В каждом пятом рекламном ролике котик отсвечивает на заднем плане, как неявный, но действенный крючок для покупательского умиления, расположения и доверия. Умильные песики тоже хороши, но песика у нас нет, а роскошный котяра – вот он, под рукой. И в данном случае не использовать готовую, лежащую на поверхности харизму Петровича было бы преступлением, на которое я пойти не могу. А потому иду на хитрость.

- Петр Петрович, я здесь уже шесть лет. Если бы я пред-

лагала людям неработающие идеи – мы бы столько не продержались. И я, как профессионал, уверена в своей идее. Но и ваши сомнения мне понятны. Вероятно, вы ждали чего-то более нестандартного или впечатляющего, - я успокаивающе улыбаюсь в ответ на его энергичный кивок. - Поэтому у меня предложение: давайте мы с вами проведем эксперимент. Я сейчас дам рекомендации, вы их выполните, и на трех ближайших видео мы посмотрим динамику. Если все останется, как прежде – мы бесплатно разработаем другое предложение. Если же увидим положительный результат – обсудим с вами, где что нужно докрутить, чтобы усилить эффект. Как вы на это смотрите?

Клиент смотрит на это с сомнением. Он не верит в эту идею, скорее, просто подчиняется моему статусу, когда неохотно кивает. Не понимает, глупенький, что на все другие идеи у него финансового пороку не хватит. Ведь что рекламная кампания, что интервью для медиа – стоят денег. Я уж не говорю о продуманной пиар-акции. Это тех, кто уже приподнялся, раскрутился, наработал себе узнаваемость, все заывают, бесплатно предоставляя время в эфире, а то еще и приплачивают за присутствие. А если ты скромный биолог со скромным влогом – за счастье отсветить харизмой на широкую аудиторию придется заплатить.

Но все же, чисто по-человечески мне мой подопечный нравится. Он ищет возможность делать что-то хорошее для людей и при этом зарабатывать, ведь раскрученный влог –

это не только подписчики, но и рекламодатели.

Мне понятны его страхи, мне знакомы его мечты и надежды. Это сейчас я «упакована» в дорогую одежду, дорогие аксессуары и дорогие духи. Но восемь лет назад я могла себе позволить лишь джинсы, купленные на распродаже в сэконд-хенде и а-ля кашемировый свитерок. Чтобы оплатить обучение, мне пришлось сидеть на хлебе и воде не в иносказательном, а почти что в прямом смысле. Идешь вечером домой – тут ресторан или кафе, там шаверма и бургеры, тут точка с выпечкой и кофе навынос. А у тебя на ужин хлеб, жареный на растительном масле вприкуску с солью. Зато чай всегда был с сахаром. Но я справилась. И хочется верить, что Петр Петрович тоже справится.

Весь следующий час мы посвящаем тому, как вписать кота в просветительскую деятельность и за это время Петр Петрович успокаивается, успевает смириться с моим предложением, и если не поверить в него, то, по крайней мере, заинтересоваться, насколько оно вообще жизнеспособно. Под конец, напитавшись от меня сведениями и рекомендациями, он демонстрирует даже что-то вроде воодушевления.

«Погоди», - мысленно говорю ему я, - «ты еще увидишь, как это сработает. Вот тогда у тебя глаза по-настоящему разгорятся!». Мы прощаемся, более-менее довольные друг другом.

Паспорт как аргумент

До следующего клиента у меня есть полчаса, которые я планирую потратить на отдых. Скидываю туфли и с чашкой чая устраиваюсь на диване, собираюсь почитать статью Дмитрия Бескромного о том, как меняется психология доверия потребителей в свете современных реалий. Но в кабинет просовывается кудрявая, похожая на огромный шоколадный цветок с нежной бело-розовой серединкой, головка Зои, моей помощницы, и сообщает:

- Марта, к тебе пришел Марк Савченко. Без записи, но очень просит с тобой увидеться. Примешь?

Так... Неожиданно. Любопытно. Откровенно говоря, ничего хорошего от общения с ним я не жду, но...

- Не выставляй же его... У меня есть полчаса, скажи, пусть заходит.

Снова усаживаюсь за рабочий стол и принимаю строгий вид, демонстрируя максимальный официоз.

- Привет!

Лучезарно улыбается он, появляясь на пороге. Весь из себя привлекательный, уверенный и раскрепощенный.

- Добрый день, - вежливо отвечаю я.

- Марта, извини, что я без приглашения. Просто был рядом и решил все-таки зайти. Ты мне все очень ясно написала, и я не хочу навязываться, правда! - Он легко хлопает се-

бя ладонью по широкой груди, и мой внутренний детектор лжи не находит к чему придраться. Жест явно отработанный и где-то, может быть, театральный, но воспроизведенный на автомате и читается как вполне искренний. – Но ты только объясни мне, почему? Я тебя чем-то обидел? Что-то сделал не так? Мне важно это знать.

Нет, как же все-таки жаль, что он женат! Ну когда еще я встречу человека, настолько отвечающего моим представлениям о привлекательности? Сожаление о несбыточном порождает во мне легкое раздражение. Надо же, явился – не запылится! Я-то думала, что уже все, тема закрыта, так нет же, объяснений просит. Я ему должна что-то объяснить! Я!

- Я не встречаюсь с женатыми мужчинами, - вежливо отвечаю, глядя на него снизу вверх. Сесть не предлагаю, так как надеюсь, что беседа скоро завершится.

- Так и не встречайся, ради Бога, - усмехается он. – А я тут при чем?

- В субботу, после того, как от тебя принесли цветы, мне звонила твоя жена, - смотрю на него безмятежным взглядом, давая понять, что меня не интересуют перипетии чужой семейной жизни. – Она плакала, очень была расстроена, и просила, чтобы я не разбивала ваш брак. Честно говоря, это было довольно неожиданно и очень неприятно, и я...

- Марта, - перебивает он. – Я никогда не был женат.

Теперь Марк медленно опускается в кресло напротив, наши взгляды на одном уровне, и он смотрит мне в глаза от-

крытым и честным взглядом. Действительно честным, я не чувствую фальши. Но в ответ лишь пожимаю плечами и общаю:

- Ты ей об этом скажи, а то она не в курсе.

- Слушай, я не понимаю, что происходит, - хмурится он.

- Но я тебе клянусь... Сейчас, погоди...

Марк хлопает себя по карманам пиджака и достает паспорт. Открывает страницу «Семейное положение», кладет передо мной. Там и в самом деле пусто.

- Это еще ни о чем не говорит, - не сдаюсь я.

- Не веришь мне? И паспорту не веришь?

- Паспорт – еще не стопроцентная гарантия. Марк, пойми, мне реально звонила...

- Я не знаю кто, но не моя жена. У меня нет жены! – он снова хлопает себя ладонью по груди, сопровождая этот жест ясной улыбкой, смотрит на меня с любопытством. Что происходит? Марк ведет себя так, словно стал жертвой глупого розыгрыша, и ждет, что он вот-вот разрешится.

- Хорошо, - я закрываю паспорт и возвращаю ему, - давай проведем небольшой эксперимент. Мы сейчас позвоним по тому номеру, и ты при мне поговоришь с этой женщиной.

- Давай! – охотно соглашается он.

- С твоего телефона.

- Без проблем. Диктуй номер.

Он выглядит чистосердечным и добродушным, ни капельки не волнуется. Скорее, ему интересно, что происходит и

чем закончится.

Трубку берут после четвертого гудка. Знакомый голос, выведенный на громкую, настороженно интересуется:

- Слушаю вас?

Так... По крайней мере, этот номер ей не знаком. Не станешь же с такой опаской отвечать на звонок родного мужа?

- Здравствуйте, - дружелюбно обращается к ней Марк. – Девушка, извините, не знаю, как вас зовут, тут произошла, видимо, какая-то накладка. Позавчера вы звонили Марте Пономаревой из агентства «Видали?!» и утверждали, что я ваш муж...

- Марк!!! – после некоторой паузы потрясенно ахает трубка. – Марк, ты где? Ты что, у нее? У этой женщины?!

Она моментально переходит на повышенный тон, говорит много, выразительно, но так быстро и бессвязно, что слов не разобрать, только общий контекст, из которого следует, что она уже отчаялась, обессилела от ревности и боли разбитого сердца, и умоляет его немедленно приехать, пока не случилось что-то плохое...

- Девушка, - пытается он вклиниться в этот трагичный монолог. – Девушка!!! Так! Слушайте! Стоп! Тпру! Тихо!!!

Она реагирует на крик и замолкает.

- Девушка, - еще раз говорит он. – Я не знаю, как так получилось, но вы меня с кем-то спутали. Мне даже голос ваш незнаком. Если это розыгрыш – то очень тупой. Если это недоразумение, то с ним пора заканчивать.

- Ты хочешь меня бросить? – страдальчески всхлипывает трубка.

- Я хочу разобраться в ситуации, - строго поправляет он.
– Давайте встретимся с вами...

- Да! Конечно! Марк, приезжай домой, я тебя прошу!

- Я не знаю, где вы живете, а если бы и знал, то не поехал бы, - терпеливо, как больной, отвечает он. – Но...

- Тогда я приеду! – решительно перебивает она. – Где ты? А, ты же у нее? Агентство «Видали?!», да?

Этого еще не хватало! У меня скоро встреча с клиентом! И вообще, мой офис – не место для разборок с психически-девицами! Я по очереди грожу Марку кулаком, хватаю себя за горло со зверским выражением лица и машу руками, давая понять, что встреча должна состояться где угодно, только не здесь. Марк одобряет эту пантомиму смешинками в глазах и жестом «палец вверх».

- Девушка! – снова повышает голос он. – Как вас зовут?

- Ты прекрасно знаешь, как меня зовут! – зло и в то же время умоляюще откликается она. – Она что, рядом? Слушает? Ты ради нее притворяешься?

Но все ее выходки дают обратный эффект – для меня становится очевидно, что она действительно врет. Уж не знаю почему. Но склоняюсь к мысли, что кукушка покинула гнездо ее разума давно и безвозвратно. Между нами, даже жалко ее.

Марк закатывает глаза, но отвечает по-прежнему спокой-

но:

- Если вы про Марту, то да, она рядом и слушает. Так же, как и я, она не в курсе кто вы и к чему весь этот балаган. И знаете, я начинаю терять терпение...

- Лика! Меня зовут Лика! И ты это прекрасно знаешь!

- Не могу сказать, что мне прям приятно познакомиться, Лика, но тем не менее... Давайте договоримся где и когда мы встретимся. Удобнее всего после работы...

- Нет! Я сейчас приеду! Я знаю, где «Видали?!», буду через десять минут, пока ты снова никуда не сбежал! Пусть она тоже посмотрит! Пусть знает, что я тебя не отдам!!!

- Не надо... - пытается возражать он, то Лика уже бросила трубку. Марк смущенно смотрит на меня: - Прости.

- Что за фигня? – вырывается у меня. – Больная...

- Не исключено, - соглашается он. – Но я тебе клянусь, что это не моя жена. Я бы на такой не женился!

Похоже, это действительно так. Марк – мужчина привлекательный и знает об этом, но он не производит впечатление любителя легких развлечений. И тем более – человека, способного находиться в отношениях с такой дикой девицей. Насчет женитьбы не скажу, всякое бывает. К примеру, если она красивая, мог увлечься и на время потерять критичность мышления. Но жить? Он для такого слишком хорош.

А еще, по моим ощущениям за его интересом ко мне не прячется Казанова, легкомысленно срывающий ягодку за ягодкой. Интуиция подсказывает, что я ему и правда нрав-

люсь, а моя интуиция – это не что-то на волшебном, а годами обтачиваемая способность улавливать больше, чем человек хочет показать – невербальные сигналы, логику речи и способ постановки фраз, присутствие осознанного или природного артистизма.

В детстве я играла в «разведчика» - выбирала незнакомого человека на улице, минут пять за ним наблюдала, а затем старалась припомнить как можно больше деталей, способных его охарактеризовать. Эта привычка сохранилась со мной на всю жизнь, она срабатывает автоматически, поэтому я научилась неплохо распознавать фальшь и притворство. В Марке я их не чувствую. Не знаю, что за мотивы у этой девушки, но в то, что между ними что-то может быть верится с трудом.

- Сейчас меня больше волнует другое, - я встревоженно качаю головой. - У меня совсем скоро деловая встреча.

- Да, я уже понял. Марта, я спущусь вниз и постараюсь перехватить ее. Поговорю, постараюсь выяснить, что к чему. Или, как минимум, не пустить ее сюда и не сорвать тебе переговоры.

- Постарайся, очень тебя прошу! – с чувством прошу я.

- Но ты мне хоть веришь?

- Не знаю. Наверное. Не решила пока.

- Может, я встречу тебя после работы? Угощу кофе, расскажу, как все прошло?

- Давай, - решаю я. Любопытно же, что тут к чему. Но я

не удерживаюсь и ехидно добавляю:

- Если, конечно, к тому времени твоя жена не посадит тебя под замок.

Он поднимается и снова смотрит на меня сверху вниз. В глазах прыгают смешинки:

- Вредничаешь? Я это запомню.

- Не знаю, не знаю, - смеюсь я. – Люди вон говорят, что ты даже собственную свадьбу забыл...

Вот зачем я его дразню? Зачем флиртую? Кажется, я все-таки влипла... А он-то доволен, аж засиял. Почувствовал, видимо, что моя защита чуть ослабла, и тут же направил в эту щель свое обаяние:

- Придется, видимо, тебе везде водить меня за ручку, чтобы я не потерялся.

- Размечтался!

- Значит, придется мне носить тебя на руках.

Легким движением губ он отправляет в мою сторону воздушный поцелуй и выходит, не дожидаясь ответа. Пару секунд я смотрю на дверь, с удовольствием представляя, как было бы прекрасно, если бы он поднял меня на руки.

Ладно, хватит! До встречи осталось всего ничего, а мне еще нужно подготовиться.

Люди с картинки мечты

- Это пиар-акция, о которой я не знаю, или у тебя вдруг началась бурная личная жизнь? – интересуется Аня, заглядывая в мой кабинет под конец дня. День был сложный, и я знаю, что она устала, но выглядит все равно отлично – продуманный макияж хорошо акцентирует взгляд, а прическа в стиле «рваный гарсон» пепельно-розового цвета добавляет лицу свежести. Плюс белоснежная рубашка, рваные джинсы, голубые кеды и широкий кожаный браслет на нежном запястье. И волна свежести с нотками нарцисса и зеленой травы.

- Скорее второе. А что случилось?

- Какая-то девица закатила скандал в холле. Ты была занята, поэтому охранник доложил мне.

Аня Бересклетова – вторая соосновательница агентства «Видали?!». Мы познакомились на нетворкинге, куда обе пришли в период сольной работы. Из-за того, что мы совпадаем в принципиальных вещах, но при этом достаточно разные, у нас очень быстро сложилось нечто среднее между дружбой и партнерством. Решение организовать общую фирму возникло естественным образом после первой же общей кампании, которую мы успешно реализовали. У нас есть совместные проекты, и есть отдельные. Есть дела, в которых мы помогаем друг другу, и есть дела друг друга, в которые

мы не лезем. Если и существует на свете профессиональная гармония – она выглядит как-то так.

- Представляешь, она считает, что я увожу у нее мужа.

- О, как! А кто у нас муж?

- Марк Савченко из «Ноксархи».

- О-о-о! Достойный выбор, одобряю! А что за девица?

Я пожимаю плечами:

- Психическая. Марк клянется, что не знает ее, и тем более не женат. Даже паспорт мне показал.

- О-о-о! – снова радуется Аня. – А ты ему нравишься! Паспорт абы кому не предъявляют.

- Он должен был выяснить, что там к чему, мы встречаемся вечером.

- Так иди, встречайся, чего сидишь? Рабочее время закончилось, коллеги разбежались, весь офис уже пустой. Заодно выяснишь, что там за представление было.

Марк уже поджидает меня на улице, и пока я пересекаю холл первого этажа, охранник бросает попеременно то на него, то на меня такие заинтересованные и вместе с тем настороженные взгляды, что становится очевидно: перформанс был что надо.

- Извини, я не успел перехватить ее на улице, - Марк подтверждает мое предположение. - Очень шустрая! Но если хочешь узнать подробности, соглашайся выпить со мной кофе.

- Эй, это же шантаж! - возмущаюсь я.

- Не без этого. Так что же победит? Застенчивость или

любопытство?

- Где ты видел застенчивых пиарщиков?

- Да? А выглядишь такой скромной, - он так мило кокетничает, что я начинаю смеяться.

- Вот, замечательно, - удовлетворенно комментирует он. - Улыбка у тебя прямо как солнышко. Так что, куда бы тебе хотелось пойти?

Я называю место, и он распахивает дверцу автомобиля:

- Подвезу?

- Мне удобнее на своей.

- Хорошо, значит, встретимся там.

Лишь через полчаса, когда мы уже сидим за столиком и пьем кофе, он смущенно признается:

- Вообще-то оказалось, что я ее знаю. Это моя соседка.

Живет в соседнем парадном.

- Так... - Вот это новости! Неужели я ошиблась? - И что, между вами что-то было?

- Что? Нет, что ты! Здоровались при встрече, не более того. Мне кажется, она немножко... эм-м... своеобразный человек, - он деликатно дает понять, что девушка с приветом. - В общем, она успела тут покричать немножко, охранник ваш возбудился. Потом я ее все-таки вывел на улицу.

- Подожди, а что кричала-то?

- Да все то же самое кричала, ломала комедию, дескать, что я ее муж, я ее бросаю. Плакала, рыдала. Вот талант актерский пропадает! Я чуть сам не поверил... Но все это ров-

но до тех пор, пока я не предложил проехать в полицию. Когда увидела, что я не шучу – сникла и стала звонить маме. Ей редела в трубку, а мне говорила, что это все розыгрыш.

- Думаешь, правда розыгрыш? А в чем суть?

- Да кто его знает? Может, какая-нибудь чокнутая блогерша, которая ищет специфический контент.

- Или просто чокнутая.

- Не исключено. Вообще, меня не покидало чувство, что это спектакль, только я не могу понять, в чем смысл. Она вроде и плакала по-настоящему, но все время как будто чего-то ждала. Знаешь, как бывает, когда человек вешаться идет, уже в петлю лезет, а сам одним глазом подсматривает, бегут его спасать или еще рано со стульчика прыгать. К маме очень в гости хотела, прям напрашивалась... Ощущение, правда, было такое, что мама не очень хотела ее видеть, то ли занята была, то ли по жизни дочку недолюбливает. Но когда эта девушка сказала про полицию, мама тут же стала гостеприимной. А девушка обрадовалась и про меня сразу забыла. Так что наш брак скоропалительно распался, - с юмором заключает он.

- Кажется, я должна тебя поблагодарить. Спасибо, что вызвал огонь на себя. Даже думать не хочу, что было бы, если бы она ворвалась к нам офис. Сто процентов сорвала бы переговоры. У меня сегодня серьезный заказчик был, он бы такого не понял.

- Да уж, понятного тут мало... - Марк задумчиво оглажи-

вает пальцами свою стильную барбершоперскую бородку. - Слушай, пойдем, прогуляемся? Смотри, погода какая, вечер красивый, ветра почти нет. Тем более что мы с тобой люди офисные, и нам свежий воздух принципиально необходим.

И вот мы идем по вечернему Питеру, на улицах которого закатно-оранжевое солнце перемежается густыми лиловыми тенями. Идем под ручку. Это Марк каким-то очень естественным движением предложил мне свой локоть, а я пристроила на нем пальцы. Это как-то немножко старомодно и вместе с тем ужасно мило. Намного приятнее, как-то интимнее, чем если бы мы просто шли рядом.

Мне хорошо. Марк из тех мужчин, рядом с которыми очень ясно ощущается собственная женственность. Он большой, рядом с ним я как Машенька с медведем. Иду и неспешно, без лишнего экстаза размышляю, что, наверное, было бы очень приятно оказаться в его объятиях. Э-эх...

Намечтавшись, мысленно шлю привет себе из прошлого. Той несуразной, голодной, смущенной и растерянной девчушке, которая максимум, что могла себе позволить – это проводить подобную парочку очарованным взглядом и вздыхать в надежде, что однажды у нее так будет. Сбылось. Все сбывается, когда понимаешь, что судьба, обстоятельства твоего рождения, воспитание, каким бы оно ни было, все, чем ты был наделен или обделен – это лишь точка входа.

Вошел, осмотрелся? Анализируй: что нравится, что нет, что менять, как менять. Проанализировал? Действуй. Пото-

му, что других-то вариантов все равно нет. Ну не прилетает он, великий и прекрасный Волшебник в голубом вертолете! Не прилетает – миллионы так и не дождавшихся людей могут это подтвердить.

Действуй! Тебе никто не даст гарантий. Тебя могут обмануть. Ты можешь тысячу раз ошибиться или сбиться с пути. Показать смешным. Упасть. Отчаяться. Огорчиться. Разочароваться. Испугаться. Даже получить по щам.

Но если твоя жизнь тебя не устраивает – действуй!!! Других вариантов нет.

Все свои жизненные испытания я приняла за опыт. Мне долго пришлось избавляться от обиды на родителей за их алкоголизм, и обиды на жизнь, за то, что пришла ко мне в семье алкоголиков. От чувства вины за то, что не могу их спасти. От отчаяния и ощущения себя никчемной, бессильной и ничтожной. От боли, которая сопровождала все это. Я справилась. Я научилась направлять свою жизнь, а не плыть по ней.

И поэтому сейчас я – словно часть картинки мечты, на которой красивая пара благополучных людей прогуливается, купаясь в лучах заката. Людей, которые получают удовольствие от общения и флирта. Людей, у которых все хорошо.

Кто бы мог подумать, что все начнется с довольно-таки бездарных переговоров, на которые клиент приехал, изначально не мотивированный на сотрудничество. А, кстати...

- Марк, я хочу задать тебе один вопрос.

- У меня никого нет, я совершенно свободен, открыт для отношений, и ты в моем вкусе! - с готовностью рапортует он.

- Что ж, это замечательно. Правда, замечательно, - смеюсь я. - Хотя вопрос был совсем не об этом, но я приму к сведению. Очень важная и ценная информация.

- Как? Ты не об этом хотела узнать? - он картинно складывает бровки домиком. - Как грустно...

- Об этом я тоже хотела узнать, - честно признаюсь я. - Но успела только подумать, а ты уже прочитал мои мысли.

- Да? Тогда ладно, это все меняет. Задавай любой вопрос, я отвечу.

- Скажи, зачем вы приезжали? Ну, тогда, на встречу по продвижению вашей продукции? У меня сложилось впечатление, что ни тебе, ни Артему Белых это было не особо и нужно.

- А, вот ты о чем... - он снова оглаживает пальцами бородку, и я уже знаю, что этот жест демонстрирует смущение.

- Да так, любопытно просто. Обычно к нам приходят с запросом: «Ребятам, помогите, раскрутите, прославьте!». А тут вы такие: «Ну, мы как бы хотим пиар и продвижение, но как бы и не совсем».

- Да, тупая была идея. Извини, что потратили твое время.

- А в чем все-таки смысл?

- Знаешь, неудобно, если честно, об этом говорить. Тема деликатная, в каком-то смысле. Основатель «Ноксархи» - Денис Белых, Артем - его сын. У них вечное противостоя-

ние. Папа готовит сына к наследованию своей компании, но беда в том, что он очень консервативный. Всю жизнь живет под девизом: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, однажды он прогнетя под нас». А времена сейчас сама знаешь какие. Артем – человек другого поколения. Мальчик ищет себя...

- Не хочет наследовать империю?

- Нет, почему? Хочет. Но на своих условиях. Типа, своя голова на плечах есть, свои мысли, свое видение, свое понимание. Все свое, короче. Он знает, что «Ноксархи» от него никуда не денется – это же лишь вопрос времени. Его поиск себя заключается в том, чтобы как можно сильнее отстроиться от отца.

- А ты на него злишься, да?

- Проницательная какая, - усмехается Марк. – Злюсь... Не так, чтобы сильно, скорее, он меня подбешивает, как младший брат, которого все время навешивают старшему в нагрузку.

- Это как?

- А так. Старший Белых его постоянно пристраивает со мной – на встречи, на переговоры, в поездки... Он считает, что таким образом показывает мне свое уважение и доверие.

- А отказаться? Неудобно?

- Не то, чтобы... Хотя нет, можно и так сказать. Денис Белых – давний приятель моего отца. По большому счету, я ему многим обязан – он сам мне стажировку после универа

предложил. Потом, когда я немного опыта в других компаниях поднабрался, он, опять же, сам меня к себе пригласил. Он, конечно, сложный, но я к нему привык. Я его не боюсь, как многие мои коллеги. Понимаешь, для меня же это «дядя Денис», который меня в пять лет на плечах таскал. Мы не то, чтобы совсем уж дружили семьями, но бывало, что и выходные вместе проводили, и в поездки выбирались. Поэтому нам как-то проще договариваться.

- А для Артема ты, наверное, все равно, что сын маминной подруги, - усмехаюсь я, уворачиваясь от стремительного парня на роликах. Промчался в миллиметрах, аж волосы ветром всколыхнуло.

- Осторожно, - Марк заботливо подтягивает меня к себе. - Знаешь, забавное сравнение, но я бы не сказал, что это так. Артем – он вообще такой, себе на уме. Его такими сравнениями, типа: «Смотри, какой Марк хороший мальчик, учись быть таким же» - они его мало трогают. Он очень уверенный, в каком-то смысле даже высокомерный. Сын своего отца, что тут скажешь. Тот такой же. Вот они и бодаются кто кого.

- Так. А я тут при чем?

- А! Так вот, наш «мальчик», как я уже сказал, на все имеет свое мнение. И он уверен, что нам нужно активнее продвигать свою продукцию на рынке. В принципе, я с ним согласен, у нас даже своих специалистов по маркетингу нет. Крутим стандартную рекламу из года в год, плюс сарафан – и на этом все.

- И вы на этом держитесь? – ахаю я.

- Так сколько лет! Имя на рынке, наработанная база заказчиков... Но это, конечно, уже давно сыплется. Нужно все – и продвижение, и пиар, но Белых-старший упирается. Его мнение – наше качество продает само себя, и нефиг тратить средства на непонятно что. Лучше пустить их на модернизацию. А Артем как раз топит за раскрутку. Поизучал вопрос, посмотрел на рейтинги, выбрал вас. Пришел к отцу, говорит: «Давай!». Тот ни в какую, они поссорились в очередной раз. Артем хлопнул дверью. Тогда Белых-старший решил пойти на уступки. Но у него все уступки всегда со скрипом. В итоге он дал добро на обращение в «Видали?!», но с такой кучей ограничений, что пропал весь смысл. И отправил с этим меня, да еще и «мальчика» своего в нагрузку подвесил. А когда уже знаешь, что ничего хорошего не получится, то и энтузиазма особо нет.

- А сколько «мальчику»?

- Двадцать пять.

Вот так. Мне двадцать девять, и с я пятнадцати смотрю на себя, как на взрослую. А тут двадцать пять – и ребенок все еще ищет себя. Впрочем, я без зависти, каждому свое. Честно говоря, что по внешности, что по рассказам Марка сын владельца «Ноксархи» показался мне моложе. Я для себя определила его возраст лет в девятнадцать.

- Вот. Мне на самом деле было все равно, пока я тебя не увидел, - признается Марк. - Если бы это был кто-то другой,

ну сунул бы я этот проект, меня бы вежливо послали, и пошел бы я дальше спокойно делами заниматься. А ты на меня так посмотрела, что я сразу себя клоуном почувствовал.

- Когда это я на тебя так посмотрела? - Возмущаюсь я. - Мне профессиональная этика не позволяет подобные взгляды!

- Ладно, это не ты так посмотрела, а я так себя почувствовал, - благородно поправляется он. - Скажем так, это не то впечатление, которое я хотел бы произвести на тебя при первой встрече.

- Ты на меня произвел самое лучшее впечатление, - заверяю я его.

- Честно-честно?

- Вот те крест!

Марк хохочет, запрокинув голову, по-мальчишески задорно, а от уголков глаз разбегаются лучики морщинок. Мне кажется, я окончательно влюбляюсь в него именно в этот момент, когда понимаю, что в этом взрослом, холемом, самоуверенном дядьке живет самый настоящий жизнерадостный пацан. И по тому, как он со мной заигрывает, немножко хвалится, немножко дурачится, я очень точно понимаю, что он тоже влюблен.

Мы возвращаемся к кафе, у которого оставили свои машины, когда солнце окончательно истаивает, а тени из лиловых становятся серо-синими, и поднимается весьма холодный ветерок.

- Может, зайдем еще раз? Погреемся, проведем вместе еще один час? - предлагает Марк.

Я очень хочу провести с ним еще час. И вечер. И ночь. А там, кто знает, может, и до жизни дело дошло бы... Но первое свидание должно остаться целомудренным. Оно должно разбудить желание, а не утолить его – тогда дальше будет только интереснее.

- Понял, - Марк читает ответ по моим глазам, и меня очень радует, что он не пытается переубедить. Не люблю навязчивость. Но у Марка с этим все в порядке, поэтому он провожает меня до машины, галантно открывает дверцу и невесомо прикасается губами к моим губам.

Это не поцелуй. Это обещание поцелуя.

- Спасибо за вечер, - шепчет он. - Ты чудесная. Я тебе позвоню.

- Мне с тобой хорошо, - тихо отвечаю я, и он снова мимолетным касанием дразнит мои губы. Теперь мы оба хотим большего. - Я буду ждать звонка.

Визиты к родителям

По четвергам я завожу продукты родителям. Хрущевка-пятиэтажка, зеленый дворик, в последнее время значительно облагороженный коммунальными службами. Во времена моего детства тут, как и в окрестных дворах, были настоящие заросли – кусочек дикой природы, сохранившийся в лабиринтах большого города. Сейчас и чище, и светлей, и опрятней. Но той буйной зелени мне все равно почему-то жаль.

Окна тети Марины выходят во двор, она торчит в кухне, видит, как я паркуюсь, и бежит поджидать меня на лестнице.

- Марта! Постой минуточку, у меня к тебе дело.

Знаю я, какое дело... Интересно, когда ей надоест уже?

- Марта, на днях твоя мама заняла у меня денег...

Ну, так и есть! Вот правду говорят: горбатого могила исправит. Или, как сказал бы более современным языком наш программист: «Это не баг – это фича». Вопреки всем уговорам, объяснениям и запретам соседка регулярно спонсирует моих родителей. А потом бежит ко мне, пытаясь вернуть их долги.

- Теть Марин, - вежливо улыбаюсь я, поудобнее перехватывая три тяжелых пакета. – Она занимала – с нее и спрашивайте.

- Но она не отдает! – возмущается соседка. – Ты же зна-

ешь, ей не с чего!

- Правильно, поэтому я вас уже сто раз предупреждала: моим денег не давать ни под каким видом. Но вы – взрослая женщина, сами решаете, что вам делать. Только ко мне с этим не обращайтесь, пожалуйста.

Я разворачиваюсь, чтобы идти дальше, и мне в спину летит:

- Марта, что ты за человек! Сердца у тебя нет! Ездишь на такой дорогой машине, одеваешься как в кино, а родителям копейку жалеешь! Если бы ты хоть иногда им что-то давала...

- Они бы давно уже спились, - холодно перебиваю ее я. – Поэтому я вожу им не деньги, а продукты. И вы это знаете.

Я оборачиваюсь и смотрю на тетю Марину через плечо строгим взглядом. Я знаю ее с детства и когда-то давно ее слова действительно могли задеть и расстроить меня. Но с тех пор я повзрослела, а она так и осталась жалостливой недалекой женщиной, способной раскиснуть при виде соседки, клянчащей денежку, а потом злиться на меня за то, что не собираюсь потакать этим слабостям. Жильцам тридцать пятой квартиры денег не давать! Это знают все соседи, продавцы окрестных магазинчиков и даже некоторые курьеры. Но если тетя Марина знает и дает – это ее проблемы.

Родители встречают меня по-разному: папа угрюмо кивает, мама радостно обнимает. Понятно, у отца хмель уже выветривается, а новую дозу взять негде, а мама еще под граду-

сом, ей пока что «хорошо». Поэтому она радостно шуршит пакетами в кухне и предлагает:

- Чай будешь?

- Нет, спасибо. Я ненадолго, мам.

- Да? Ну, ладно. Семен, что ты там возишься? Иди, я тебе бутер сделаю.

Мама уже совсем седая... Волосы мочалистые, лицо «сушеное» - все в морщинах и с явными характерными изменениями, присущими человеку, в чьей жизни выпивка – обязательный и желанный элемент. Выглядит лет на двадцать старше, одета кое-как – в вытянутые спортивки и желтую футболку в мелких цветочках и с пятнами кетчупа.

Папа вертится в прихожей, стараясь не вжикать молниями на моей сумке. Я давно не приношу в ней ни денег, ни карточек, ни дорогих солнечных очков, которые можно продать – все это оставляется в машине. Но он все равно каждый раз проверяет, вдруг удастся хоть чем-то поживиться.

- Не обращай на него внимания, - мама в кухне отвлекает меня разговорами. – Папа не в духе, он недавно упал. У магазина, который на углу, такой неудобный порожек сделали! Вот просто на ровном месте зацепился и грохнулся, коленку разбил. Она теперь болит, а он ворчит.

Я прекрасно понимаю, как все было на самом деле. И что он был пьян, и что бегал за добавкой, спеша насладиться подачкой, которой спонсировала их «сердобольная» тетья Марина. Я слышу эти истории с детства: благодаря сво-

им родителям я научилась различать сто пятьдесят оттенков лжи, хитрости и попыток дергать за веревочки под названием «жалость» и «совесть».

Они не злые на самом деле. И детство мое не было совсем уж плохим – меня не били, надо мной не издевались, по крайней мере, в общепринятом смысле этого слова. Даже любовь, насколько она возможна в семье алкозависимых людей, в наших отношениях присутствовала. По-своему они старались.

Помню, как на день рождения даже велосипед мне подарили, и это было такое чудо, о котором я всей душой мечтала, но даже не надеялась. А они подарили. Крючья, которые папа соорудил в прихожей, чтобы вешать велик, все еще на месте. И сами они так гордились своим подарком! Так радовались, что смогли его сделать! Мы с папой спускались вниз, в тот самый двор, который видно из окна, и он учил меня ездить, и сам гонял кружок-другой, такой помолодевший и счастливый...

Велик, конечно, надолго не задержался. Его пропили уже через два месяца, и это запомнилось, как один из самых жестоких моментов. Как я рыдала тогда! Мама, уже пьяненькая и благостная, утешающе гладила меня по голове и говорила: «Да чего ты? Это же велик, железка, оно того не стоит! Потом другой купим»... А мне казалось, что это не велосипед пропал, а из меня из живой что-то вырвали.

Что было – то было. Никто мне, конечно, ничего больше

не купил, но так уж сложилась жизнь. С моими родителями точно было непросто, но с ними я прошла хорошую школу. Научилась анализировать чужие слова, выявлять ложь и не вестись на манипуляции. Научилась справляться со сложностями, выкручиваться, находить нестандартные решения. В моей нынешней профессии – это суперспособность, которая делает меня успешной. Да, тогда было трудно. Но, во-первых, я справилась. А во-вторых, многое обрела.

Мои родители неизлечимо больны. С этим ничего не поделаешь – я проверяла. Попытки вытащить их обернулись большими тратами, частыми ссорами, короткими ремиссиями и кошмарными разочарованиями после каждого срыва. Поэтому теперь я просто привожу им продукты и лекарства, оплачиваю коммуналку и не лезу туда, куда лезть бесполезно.

- Жаль, что ты с нами не поужинаешь, - притворно вздыхает мама, но глаза ее слишком весело блестят. Вероятно, она уже знает, у кого обменяет часть продуктов на очередную выпивку. М-да, в этом доме сегодня праздник... Уж какой есть.

- Много работы, мам. Сильно устаю последнее время.
- Да, ты у нас просто умница, - рассеянно говорит она.
- Стараюсь. Ладно, мам, я побегу. Скажи папе, что я его целую.

- Как, уже? – в ее голосе уникально смешиваются сожаление и нетерпение.

- Да. Поеду, а то опять поздно лягу.

- Семен, ну где ты там? Марта уезжает!

- Мам, не дергай его, он в туалете. Поцелуй за меня. Все, пока-пока!

Фух! На лестничной клетке загущаются августовские сумерки, пахнет котлетами с пятого этажа и котами с первого. Я касаюсь кончиками пальцев хлипких перил – в детстве я съезжала по ним попой. И не боялась, надо же!

Оказавшись на улице, поднимаю глаза на окна родного дома. В кухне горит свет, на секунду мелькает папин сутулый силуэт. Выше, над крышей, небо натягивает на себя большую тяжелую тучу – вот почему темнеет так быстро. Пожалуй, надо поторопиться, если хочу успеть домой до ливня.

В машине я на миг прикрываю глаза, делаю глубокий вдох и выдох. Машина – это кусочек моего мира. Моего личного, который я выстроила с нуля, а может быть, даже из минуса. Мне нравится ее просторный светлый салон, комфортные кресла, «вонючка» с элегантным древесно-цитрусовым ароматом. Когда-то я могла на такие машины только смотреть и облизываться. Теперь это привычная часть моей реальности, филиал моего дома, где чисто и безопасно.

Выезжая из двора в зеркало заднего вида замечаю, как из парадного выходит папа. В его руках один из тех пакетов, которые я только что привезла. Видимо, понес на обмен.

Есть вещи, которые я не в силах изменить. Должна ли я страдать от этого? Вовсе не обязана. У моих родителей бы-

ла очень сложная жизнь. Откровенно говоря, им здорово досталось, было от чего сорваться, было с чем не справиться. Но я имею полное право не тащить все это дальше. Не страдать их страданиями, не болеть их болью...

Что-то сложновато мне в этот раз дался визит к ним. Нужно сделать перерыв. Пожалуй, на следующей неделе отправлю курьера.

Кляуза

«АГЕНТСТВО «ВИДАЛИ?!» — ЭТО ПРЕСТУПНАЯ СХЕМА ПО ОТЪЕМУ ДЕНЕГ У НАИВНЫХ!

Пишу этот отзыв дрожащими руками, потому что меня просто уничтожили морально и финансово! Это не бизнес, а секта мошенников, которые прикрываются модными словами «пиар» и «продвижение». Если вы дорожите своими нервами, деньгами и репутацией — НЕ ХОДИТЕ ТУДА!!!

Я пришла и что получила? Грубость и пошлость! Пиар в понимании этих извращенцев – это умение «продать» себя, причем буквально! Меня просто заставляли вести себя, как девушка с низкой социальной ответственностью, убеждали, что это «заряжает» аудиторию! Я чувствовала себя куском мяса на витрине!

Отдельный «респект» совладелице и менеджеру Марте Пономаревой. Это вообще позор индустрии! Женщина, которая не знает разницы между охватом и вовлеченностью, а все ее кейсы — купленные отзывы и боты. Но главное в том, что всем известно, как она на самом деле получает контракты. Ее офис — это проходной двор, а кабинет Марты — место для сами понимаете каких сделок! Клиенты мужского пола уходят оттуда с контрактами и счастливыми улыбками, потому что им предложили не стратегию, а «индивидуальный подход»!

Они стирают комментарии и блокируют недовольных. Уверена, мой отзыв тоже долго не проживет, но все равно не буду молчать! Я на грани нервного срыва, не хочу, чтобы такое случилось и с вами!

Не дайте себя обмануть! Марта Пономарева - это маман в борделе!

НЕ ТРАТЬТЕ СВОИ НАДЕЖДЫ И ДЕНЬГИ НА ЭТУ ПОМОЙКУ!»

Что за фигня?! Что? За? Фигня?!

Она что, совсем с катушек слетела?

Пятничным утром я сонно брожу по кухне с телефоном в руке и пытаюсь одновременно читать новости и готовить завтрак. Нажимаю кнопку на кофемашине, но тут мне на глаза попадается этот бред, и я едва не забываю вовремя подставить кружку.

Кофе, бутерброд с сыром, фруктовый салат – все это я поглощаю машинально, с увлечением перекапывая простоты интернета в поисках мест, где эта безумная Лика уже успела наследить.

А успела она практически везде. Отзовики переливаются свеженьким негативом, за исключением нескольких ресурсов с качественными алгоритмами анализа и нашего сайта, на котором модерация проводится вручную.

Любопытно начинается это утро... Итак, безумная (а как еще ее назвать?) Лика, вероятно, откуда-то узнала про на-

ше общение с Марком. Похоже, она за ним все-таки следит. Интересно, сама или детектива нанимает? И как далеко это зашло? Видела ли она наши вчерашние нежности на стоянке? Похоже, что да, раз она решила воплотить свою угрозу в жизнь и сделать «кусь». Что ж, возблагодарим ее за это.

- Добрейшего вам утречка, татап! – с французским прононсом ехидно приветствует меня Аня.

- Иди в баню!

- Расстроилась?

- Не так, чтобы очень, но утро от этого добрее точно не стало.

- Да уж. Ладно, ты отмашешься, я знаю. Моя помощь нужна?

- Нет, Ань, спасибо. Хорошего дня.

Из общего «предбанника» мы расходимся, каждая на свою половину офиса. Зоя настолько возбуждена, что буквально подскакивает, стоит мне зайти в приемную.

- Ты уже видела?!

- Конечно, видела. Ты чего перепугалась?

- Но... Это же... Так нельзя! Это же неправда! И это незаконно! – ее темные пышные кудри возмущенно колышутся в такт каждому восклицанию.

- Конечно. Но для нас это просто подарок. Забыла, где мы работает? – пока моя помощница пытается понять, что я имею в виду, даю ей задачу: - Через полчаса пригласи ко мне, пожалуйста, Юру и Таню. И сама зайди.

- Хорошо. А зачем?

- Будем делать лимонад, - подмигиваю я.

Зоя – неплохая девушка, но совсем молоденькая и слишком впечатлительная. Легко принимает на веру всякую чушь и быстро впадает в панику. Впрочем, это не мешает ей быть хорошей помощницей – исполнительной и приветливой. А главное, в приемной, благодаря ей, всегда красиво, чисто, уютно и пахнет цветами.

Кажется, в ее глазах я – такая бронированная суперменша, которую ничем не прошибешь. Забавно. Конечно, мне все это неприятно. Кому же будет приятно прочитать про себя такое? Гадость – она гадость и есть. И от того, что ее видит куча народу, в том числе важные для меня люди, в том числе актуальные и потенциальные клиенты – на душе светлее точно не становится. Единственное, что хорошо – я знаю, что это не обо мне и не принимаю на свой счет. Злость – вот, что я сейчас чувствую. Злость и желание дать сдачи. А это – очень мощное топливо на самом деле. И раз уж меня им так внезапно и бескомпромиссно накачали, я не намерена тратить этот подарок на пустые слезы и энергоемкие переживания. Я намерена пустить в дело каждую каплю!

Совещание

Один из самых значимых людей в моей жизни относился ко мне весьма жестко, местами даже негуманно, поскольку всю заботу вечно подавал в каком-то искаженном, издевательском виде. Но в конечном итоге его паршивый характер не стал преградой между нами. Владлен Иванович Лужский, мой первый босс, принимал меня на работу с таким лицом, словно сомневался даже не в моей способности нормально осуществлять трудовую деятельность, а в способности мыслить вообще.

Он ничего такого не сказал вслух, но между строк читалось: «Куда ты лезешь, девочка? Такая мягонькая, бледненькая, со своими испуганными глазенками? Да ты же месяца здесь не продержишься! Но ладно уж, так и быть, рискни». Препротивнейший человек.

Когда я в первый раз пришла к нему в кабинет с дрожащими губами от того, что у меня сорвался крупный клиент, Владлен смерил меня снисходительным взглядом и предложил своим тянучим гнусавым голосом:

- Ты еще зареви.

Я вообще-то так и собиралась, но услышав его издевательский тон, сразу перехотела.

- Так. Ты упустила клиента, - безжалостно гундосил он, спустя несколько минут. - Что дальше? Думай, Марта, ду-

май! Как выкручиваться будешь?

Клиента мне тогда, конечно же, вернуть не удалось, слишком много ошибок допустила по неопытности. Но рекомендация, «Думай, Марта! Как выкручиваться будешь?», стала моим рабочим гимном, а со временем – почти безусловным рефлексом. На любой косяк я, вместо страха или слез реагирую тем, что начинаю активно думать, как выкручиваться. Поплакать или побояться тоже могу, но, так сказать, задним числом. Когда проблема уже решена, можно и погоревать над теми ужасами, которые не случились.

Под руководством Владлена я прошла весь путь от страха и неуверенности: «Шеф, все пропало!», до здорового охотничьего азарта: «Случилась неприятность? Отлично, посмотрим, как я сумею ее перекрыть себе на благо!».

И даже когда любящий босс в свойственной ему манере выпнул меня со словами: «Ты давно уже переросла найм, пора отправляться в свободное плавание!», я не растерялась. Раз уж даже Владлен в меня поверил – все точно будет хорошо! И он оказался прав.

На планерке, посвященной кляузе от безумной Лики, нас четверо. Юра, юрист – парень чуть за тридцать, но с седеющими висками, округлыми чертами лица, представительными очками и повадками матерого законоведа. Впрочем, повадки его отросли не на пустом месте, он реально профи.

Таня – контент-менеджер. Говорят, родилась с клавиатурой в руках. Из тех людей, которым написать проще, чем ска-

зять. Уже сколько раз было, что на совещании что-то предлагает, тараторит, в словах путается, никто ее не понимает. Потом приносит то же самое в виде текста – все четко, предельно ясно, каждая формулировка совершенна. Тане чуть за пятьдесят, она невысокая, полноватая, всегда убирает волосы в пучок на затылке и даже зимой не вылезает из кроссовок.

Зоя у нас как золотая рыбка среди зубастиков. На ней – атмосфера офиса, отслеживание выполнения поручений, иногда координация. Она нежная, пугливая, наивная, но среди всех нас, таких крутых-деловых-суровых Зоя тем и хороша.

- Юр, документы в суд, - распоряжаюсь я. - Публичная клевета, все дела. Ты лучше меня знаешь, что к чему. И проследи, пожалуйста, чтобы это безобразие поубирали везде.

- Да, босс.

- Таня, оперативно готовишь посты для соцсетей. Тональность сдержанная, дружелюбная, с юмором. Мы никого мордой об стол не возим. Не мстим, а только защищаем свое доброе имя. Юр, как только будешь готов, дай ей информацию. Тань, сделай пресс-релизы и разошли везде: о том, что мы судимся с хулиганкой, которая кидается какашками, должно узнать как можно больше людей. Зоя, на тебе фиксация всех этапов. Мне нужно, чтобы в любой момент я могла получить от тебя справку о текущем положении дел. Задачи ясны?

Команда слаженно кивает: Юра с ухмылкой искусственного профессионала, обожающего пожирать зарвавшихся клевет-

ниц. Татьяна - потирая руки и готовая хоть сейчас настроить килознаки контента. И взволнованная Зоя, встревоженная странными нападками на свою начальницу и в то же время вдохновленная возможностью поучаствовать в интересном деле.

- Отлично! Теперь детали. Девушку зовут Лика. Как вы уже поняли, она никогда не появлялась в нашем агентстве и тем более не была нашей клиенткой. Именно поэтому речь идет о клевете. Девушка со странностями.

- Это еще мягко сказано, - бросает в сторону Юра.

- В понедельник к нам приезжал Марк Савченко из компании «Ноксархи». Лика – его соседка, но считает себя женой.

- Считает? - Танины брови весело прыгают вверх. - А что, так можно? Кажется, я что-то упустила в этой жизни...

- Теперь, ребят, такой тонкий момент. До прошлой пятницы мы с Марком Савченко знакомы не были. Но сейчас у нас начинается роман.

- О-о-о! - Заинтригованным шелестом разносится по кабинету, но я пресекаю это взмахом руки. - Отложим поздравления до другого раза. Сейчас прошу вас сместить фокус с эмоций на решение проблемы. Я думаю, вы уже поняли, здесь может быть задета наша профессиональная этика, поэтому ни Марк, ни Савченко, ни, тем более, «Ноксархи» нигде фигурировать не должны.

Таня разводит руками:

- За себя я ручаюсь, но что касается этой Лики... Кто знает, что ей в голову придет?

- Никто не знает, - соглашаюсь я. - Но уж как есть. По крайней мере, со своей стороны сделаем, что сможем. А в случае чего будем выкручиваться.

- Как всегда, - усмехается Юра.

- Вот именно. Вопросы есть?

- Есть вопросы, - улыбается Татьяна. - Ох, есть! Но все какие-то личные.

- Я бы тебе с удовольствием ответила, да пока нечего. Мы встретились один раз, выпили кофе, прогулялись. Человек он интересный, обаятельный, интеллектуально развитый, воспитанный. Мне в его обществе находиться приятно. На этом пока все. Продолжение следует.

- И на том спасибо, - мечтательно вздыхает она.

Я сознательно рассказываю им это. Больше информации – меньше домыслов и неправильных выводов.

Пока мы совещаемся, приходит голосовое от Марка, и я с удовольствием прослушиваю его, едва за ними закрывается дверь. Он расстроен и встревожен: «Марта, здравствуй! Не знаю, ты, наверное, уже в курсе, что моя соседка накатала на тебя негативный отзыв. Мне очень жаль, что так получилось. Хочешь, я с ней еще раз поговорю?».

Переживает за меня. Как мило! Отвечаю ему: «Здравствуй, Марк. Не волнуйся, все в порядке, говорить с ней не нужно. Если будет настроение и возможность, перезвони

мне в течение полутора часов».

Звонок раздается минут через тридцать:

- Здравствуй. У тебя точно все в порядке?

- Конечно, не переживай.

- А на работе все тихо? Она же эту грязь насовала везде, где только можно и нельзя. Репутационный скандал...

- Марк, - смеюсь я. - Ты пойми, давить на пиарщика скандалом – это все равно, что пугать кота сосисками. Я тебя прошу по возможности с ней больше не говорить. Мы все решаем в правовом поле, наш юрист уже этим занимается. По большому счету, нам это скорее на руку. Неадекватная женщина пытается отомстить своей воображаемой сопернице, и это доводит ее до суда – да люди обожают такие темы! Она подарила нам кучу бесплатных упоминаний в медиа и возможность показать, как можно вывернуть подобную ситуацию себе на пользу. Прямо гора бесплатной рекламы – и мы ее возьмем. Но один нюанс все-таки есть. Единственный тонкий момент здесь касается тебя и «Ноксархи». Мы, конечно, сделаем все возможное, чтобы вы нигде не фигурировали, с нашей стороны я это гарантирую. Но что способна еще учудить Лика – я даже предположить не могу.

- Да, ты права, - озабоченно соглашается он. - Придется предупредить коллег, мало ли что. Зато в случае чего у меня есть свой высококлассный пиарщик.

- Ты мне льстишь!

- Ничуть. Твоя реакция на все это сразу показывает, что

к чему. Так что я тебе это говорю не потому, что ты мне нравишься. Хотя ты мне нравишься! – он несколько секунд размышляет и добавляет: - Очень!

- Это взаимно.

- Хмм, как же мне приятно это слышать! Марта, слушай, я понимаю, что у тебя, скорее всего, уже есть планы на выходные, но, может быть, я мог бы в них как-то вписаться?

- Это было бы неплохо. Я свободна в воскресенье, если не слишком рано и не очень поздно.

- Во сколько заканчивается твое рано?

Я быстренько прикидываю: на воскресенье у меня запланировано выспаться и кое-какие косметические процедуры. На них мне пары часов хватит.

- Где-то ближе к полудню.

- Отлично. Посмотрю, чем я смогу развлечь тебя в такое время. Вечером созвонимся, хорошо?

- Конечно.

- Отлично, тогда до вечера.

Несколько секунд мы оба растерянно молчим. Хочется сказать что-то еще, но дружеское «пока-пока» уже слишком мало, а нежное «целую» - как-то рановато.

- Рад был тебя услышать, - наконец сообщает он. - Хорошего дня, Марта.

- Хорошего дня, Марк.

Ничего, и до поцелуев дело дойдет. В свое время.

Спустя час я проверяю интернет-ресурсы. Наш юрист, как

всегда, эффективен. Уж не знаю, на какие кнопки он жмет, но отзыв безумной Лики исчезает отовсюду с похвальной скоростью.

Вкусные поцелуи

В воскресенье Марк заезжает за мной в половине первого. Он сказал одеваться удобно, поэтому на мне простецкие, но исключительно комфортные джинсы, кроссовки, белая футболка и голубая толстовка, завязанная на плечах. И, несмотря на то, что выгляжу я в этом непритязательном наряде очень просто – глаза Марка все равно горят. Между нами растет сексуальное напряжение, простой поцелуй в щеку при встрече откликается чувственным всплеском в теле, и это делает насыщенным каждый момент нашего общения.

Марк одет практически так же, как будто мы заранее договорились, только футболка черная, а толстовка песочного оттенка. Он приехал без цветов, но выглядит таким самодовольным, что я заражаюсь предвкушением чего-то необычного и прекрасного.

Мы едем по воскресному августовскому Питеру, над которым небо словно присыпано серой мукой, и с той стороны включена печка, дающая мягкое чуть влажное тепло. Марк упорно придерживается общих тем и лишь иногда бросает на меня хитрые взгляды, из-за чего у меня все усиливается ожидание праздника. Лишь когда мы пересекаем Троицкий мост, он интересуется: «У тебя случайно водобоязни нет? Морской болезнью не страдаешь?». Я смотрю на него во все счастливые глаза, понимая, что сейчас мы отправимся на

водную прогулку.

Марк арендовал для нас катер! Нас встречает капитан, маленький, жилистый, улыбочивый и загорелый так, словно водит свой катерок не по водам Балтики, а где-то в районе Мадагаскара. На полном серьезе он проводит нам двадцатиминутный инструктаж и выдает спасательные жилеты прежде, чем допустить на борт.

- Марк, это волшебно! – счастливо улыбаюсь я, наблюдая, как по левую руку от нас проплывает Дворцовая набережная. От восторга мне хочется с визгом повиснуть на его шее, но сидя это не совсем удобно. Или я просто еще немножко стесняюсь. - Ты даже не представляешь, до какой степени мне все это нравится!

Я и в самом деле просто невероятно довольна и изо всех сил стараюсь отблагодарить его словами, улыбками, эмоциями. Никогда не зажимаю благодарность. Во-первых, я убеждена, что человек, сделавший для меня что-то хорошее, не обязан догадываться, что мне приятно. Сказать это вслух – моя обязанность.

А во-вторых, я и по себе самой, и по опыту общения с другими людьми, личному и рабочему, знаю, что спасибо, сказанное от души, часто дает начало хорошей прочной связи. Если поступок – это ниточка симпатии, то благодарность – узелок, который ее закрепляет.

От моих нежных слов и ласковых взглядов Марк словно напитывается удовольствием. Он потратил немало денег на

это свидание и уже получает отдачу, которая говорит ему, что все было не зря. Он – мой герой и точно знает это.

- Обожаю разглядывать Петровский фарватер с воды! - сообщая я, когда мы выбираемся на просторы залива. Наш катерок на этом пространстве кажется совсем маленьким, но держится уверенно, как и его капитан.

Сегодня у нас пикник на воде. На столике целый набор каких-то мелких закусок: канапешки, тарталетки на один укус. Они свежие, разнообразные и прилипчивые, как семечки. Каждый раз думаешь: «Вот это точно последняя!», а рука уже тянется к следующей.

- Слушай, ты где их взял? Обалденные, никак не оторваться!

- Я тебя как-нибудь отвезу, - обещает он, поднося к моим губам еще одну тарталетку с мелко рубленой курицей с зеленью в легком сливочном соусе. - Атмосферное место, возможно, тебе понравится.

Мне уже нравится. Когда привлекательный мужчина кормит тебя с руки и смотрит влюбленными глазами – это не может не нравиться.

На несколько часов я проваливаюсь в ощущение абсолютно чистого неподдельного счастья. Марк, даже зная, что произвел неизгладимое впечатление, продолжает флиртовать со мной. А я восхищаюсь им и горжусь собой. Потому что такие мужчины не влюбляются в случайных девушек. У таких мужчин высокая планка. Им нужен определенный уровень:

в самооценке, в интеллекте, во внешности, в чувстве юмора. Так же, как и мне.

И в этом-то все и дело. Мы не просто нравимся друг другу. Мы совпадаем по уровням. И это не только восхитительно само по себе, но и позволяет мне лишний раз убедиться, какая я молодец. Потому что изначально мы из очень разных миров.

Марк рос в хорошей семье, его папа – руководитель крупного предприятия, а мама занималась мужем и сыном, а заодно вела различные проекты социальной направленности. У него прекрасное образование, отличная стажировка, перешедшие по наследству связи. А также престижное место работы и привлекательный уровень жизни.

И я – дочка алкоголиков. Доморощенный Мюнхгаузен, вопреки всему выдернувший себя за косичку из болота. Но нам есть о чем поговорить, есть в чем друг друга понять, над чем посмеяться вместе.

Про родителей, свое неблагоустроенное прошлое и текущий формат общения с ними я рассказываю как есть. Стыдиться мне нечего, но если у него есть какие-то предубеждения, например, о том, что девушка обязана быть из «приличной» семьи – это должно всплыть сейчас. Потому, что он, безусловно, великолепен, но пускать пыль в глаза ради этого великолепия, а тем более чувствовать себя какой-то ущербной я не собираюсь. К счастью, с предубеждениями у Марка тоже все в порядке:

- Раньше ты мне просто нравилась, а теперь я тобой еще и восхищаюсь, - признается он под жемчужно-серым небом в солнечной подсветке, обнимающим мягкие волны Финского залива. – Я всегда понимал, что мне очень повезло появиться именно в своей семье. Я, конечно, видел разные другие семьи и много раз думал, что вот это все – мое детство, мое воспитание, благополучие – это все преимущество. Это очень классная точка старта. А ты сумела сделать преимуществом совсем другие условия. Я даже не понимаю, как это у тебя получилось! И, кстати, почему ты вообще это направление выбрала?

- Да мне просто повезло. Была ситуация одна неприятная, в школе еще. У нас в классе была девочка, которая меня очень не любила. Знаешь, как бывает, у нее родители были очень обеспеченные, и такие немножко высокомерные люди – их бесило, что их деточка вынуждена сидеть в одном классе с такой, как я. Я от нее наслушалась, что я и оборванка, и родители мои – отбросы.

- Кошмар какой! Да как так-то?

- Да так. Понятно, что это же она не сама так думала, это родители ее при ней нашу семью обсуждали. Они даже к директору как-то ходили, требовали, чтобы меня убрали. Как будто я плохо влияю на других детей.

- Куда убрали?

- Без понятия. Меня тогда больше удивляло, что я, оказывается, могу на кого-то вообще влиять. Я в детстве доволь-

но тихая была, замкнутая. Директор их завернул с этой идеей, объяснил, что я ребенок неконфликтный и вреда от меня нет. Но у них все равно пригорало, а дочка все это транслировала. Ну и про себя любила рассказать, как у нее все хорошо и круто. Она ходила платно на разные занятия, и хвасталась потом, как там все интересно, какие они там вещи делают. А я ей, конечно же, завидовала. У меня из всех кружков был только школьный исторический. Там, вообще-то, неплохо было, но сильной популярностью он не пользовался. И как-то раз меня так заело, что она все время хвастается, что я начала тоже про наш кружок рассказывать. И как-то у меня это пошло, может, на эмоциях. Но получилось, что ребята стали приходить, записываться. А руководитель кружка потом меня очень хвалил и говорил: «Ты нас так распиарила, что у нас теперь полный набор и еще просят. В жизни столько ребят не было желающих историю изучать!». Он очень радовался, а я это запомнила, особенно, что я «распиарила». И потом я уже специально стала пробовать привлекать внимание людей к разным событиям, и у меня получалось. И нравилось, что я могу на что-то влиять, на чужое мнение, на принятие решений влиять. Чувствовала, что мое. Ну, а потом уже, когда из школы выпустилась, специально пошла учиться.

Марк слушает меня, кивает, а когда я замолкаю, говорит:

- Что меня больше всего удивляет в тебе, так это то, что ты часто говоришь про всякие сложности в жизни, что тебе по-

везло. Моя соседка написала ужасный отзыв – повезло. Девочка в школе обижала – опять повезло. Удивительная точка зрения.

- В жизни помогает, - философски улыбаюсь я. – Меня бывший руководитель научил так на вещи смотреть. Чтобы из любой проблемы что-то полезное выжать.

Ветерок, наполненный минеральной свежестью с оттенками водорослей, становится резче. Я передергиваю плечами и тянусь, чтобы развязать рукава толстовки, но Марк откуда-то сзади достает плед и накрывает им меня, а заодно и себя. Нам приходится сдвинуться ближе, чтобы поместиться. И он такой теплый, так волнующе пахнет, его тело под черной тонкой тканью футболки меня неудержимо привлекает и возбуждает. Под жемчужным серым небом Финского залива мы целуемся по-настоящему, очень по-взрослому, пробуя на вкус сексуальность друг друга.

Теперь мы хотим не большего. Теперь мы хотим всего. Хорошо, что мы в катере, есть время немножко прийти в себя. Некоторые вещи, какими бы пленительными они ни казались, не должны происходить слишком быстро. Но поцелуи остаются с нами. Мы погружаемся в них снова и снова. Такие разные, такие вкусные, нежные, жадные... Они так много обещают!

Мое детство научило меня тому, что любовь и боль — это слова-синонимы. Что близкий человек способен в любой момент воткнуть тебе нож в спину, и даже не со зла, а просто

потому, что не справляется с самим собой. Что тот, на кого ты надеешься, чьей поддержки ты хочешь, может не только не защитить тебя от неприятностей, но и стать их источником.

И если ты к кому-то эмоционально привязан, ты всегда очень сильно рискуешь. Пока я в это верила, отношения у меня не складывались. Я очень о них мечтала, но когда находила «подходящего» человека, после короткого периода эйфории все шло кувырком. То, что должно было быть счастьем, по факту оказалось смесью страха, неуверенности, сомнений и бесконечного изнурительного копания в себе и партнере. Трудно быть довольным и расслабленным, когда постоянно ждешь подвоха. Мне понадобились месяцы терапии, чтобы перенастроить душу и научиться смотреть на любовь не как на поток, способный тебя смести и утопить, а как на благо, которое можно последовательно и благополучно выстроить. И если я не стану падать в омут с головой (а я не стану), не сорвусь в щенячий восторг (а я не сорвусь) и не помчусь бросать себя к его ногам (а я не собираюсь), то Марк – тот мужчина, который может стать моей наградой.

Марк – это мужчина, от которого я впервые в жизни не теряю голову. Влюбляюсь, да. Но не перестаю анализировать его слова и поступки, а заодно наблюдать и за своими чувствами. Из нашего общения, из желания узнать и понять друг друга, из набирающего глубину взаимного уважения и набирающей обороты страсти рождается уникальное простран-

ство «Мы». Новая, наша общая территория, которая заполняется пережитыми волнительными моментами и первыми общими воспоминаниями.

Мы целуемся, а капитан с непроницаемым лицом смотрит за горизонт, виртуозно создавая ощущение, что нас на катере только двое. Я смакую этот день, наслаждаюсь каждой его минутой. После того, как мы причаливаем, первые минуты тело, убаюканное легкой качкой, кажется слишком неуклюжим.

Ощущение легкости возвращается, когда Марк везет меня обратно. Движение автомобиля напоминает недавнее скольжение по волнам, и кажется, что мы все еще где-то посреди Финского... Жаль, что дорога заканчивается слишком быстро.

Еще один поцелуй на прощание.

- Ты божественная, - шепчет Марк мне в шею. Он явно не хочет уезжать, не хочет отпускать меня.

Когда я, наконец, поднимаюсь к себе, у меня все вибрирует – и тело, и голова, и душа. Я переполнена удовольствием этого дня. На коже отпечатался волнующий запах Марка, и мне хочется сохранить его подольше. Запах мужчины, в которого я так очаровательно влюблена.

Успехи Петра и Петровича

Вечером, уже лежа в постели, я открываю ноутбук, чтобы посмотреть, как клиент справился с моими рекомендациями. И вижу, что справился хорошо. Я бы даже сказала – отлично!

Его канал переименован, теперь называется «Просто о биологии с Петром и Петровичем». Кот на месте, и я буквально с первых минут понимаю, что попала со своей идеей точно в десятку. Этот пушистый красавец – прирожденный актер. Талантище! Он не только украшает собою место, нет, он активно и органично участвует в процессе.

- Да-да, Петрович, именно здесь находится аорта! - радостно комментирует его хозяин, в то время как кот тыркается носом в пластиковую модель человеческого сердца. Конечно, пришлось прибегнуть к некоторым хитростям вроде смазывания нужной точки кошачьей мятой, но эффект превзошел все ожидания потому, что аудитория сейчас видит обаятельного любознательного кота, настолько сообразительного, что он как будто понимает все, что говорит ему человек. На это хочется смотреть вечно, даже я залипаю и несколько минут с интересом слушаю лекцию о сердечно-сосудистой системе.

И ведь мало того, что кот сам по себе чудо как хорош, но и Петр Петрович в его присутствии ожидаемо раскрепо-

стился, смягчился и избавился от преподавательской чопорности. Пока он записывал видео в одиночку – робел перед камерой, но присутствие пушистого напарника явно добавило ему уверенности.

Реакций под этим видео больше, чем под всеми предыдущими. Конечно, их пока все равно мало потому, что аудитория еще не успела распробовать новый формат, проникнуться им. Но даже сейчас прогресс очевиден. Я фиксирую для себя некоторые моменты, которые нужно будет дошлифовать, но в целом очень горжусь увиденным результатом и рада за преподавателя. У него точно все пойдет.

Сила белого цветка

Кличка «Безумная Лица» в агентстве прижилась – не оттрешь. На волне наших публикаций по поводу ее провокационного отзыва меня приглашают спикером на круглый стол, посвященный эффективной работе с хейтом. Параллельно Аня Бересклетова организует два интервью. Одно с блогером, ведущим канал о технологиях современного маркетинга. Аудитория у него пока небольшая, но очень целевая, и с ним у нас получается весьма качественный взаимопиар.

Второе интервью на телевидении, на региональном канале. Ради него мне приходится подняться в несусветную рань – прямой эфир ориентирован на граждан, которые завтракают, собираясь на работу, а значит, в студии мне нужно быть заранее. Времени у меня будет немного, около десяти минут, и я намерена использовать их по максимуму.

Для начала очень тщательно продумываю прическу и гардероб. Мой выбор – волосы, аккуратно убранные в пучок на затылке, макияж – симпатичные неагрессивные стрелочки, черная тушь и помада сдержанного тона. Лицо должно быть заметным и привлекательным, но неброским. Из одежды выбираю шелковую блузку темного бежа и пиджак на два тона светлее. Под мой цветотип хорошо подходят такие оттенки, а смотрятся они дорого и утонченно. И, наконец, акцент – большая белая брошь-хризантема. Очень большая с ладонь

размером.

Люди недооценивают силу акцентов. А ведь они способны проводить гигантскую дополнительную работу и при правильном подходе не просто вызывать интерес, но и транслировать определенное настроение, качественно влияя на восприятие окружающих.

С точки зрения работы с аудиторией легкий эпатаж – это очень эффективно и я бы даже сказала выгодно. Именно тем, что обращает на себя внимание, а внимание, как известно, новая «нефть» нашего времени. Главное – не свалиться в пошлость. Все мы знаем случаи, когда люди, ради того, чтобы стать заметными, творят со своей внешностью Бог знает что. Внимание они, правда, получают, но иногда совсем не то, на которое рассчитывают.

Вообще, чем ярче, яростнее, скандальнее подход к взаимодействию с аудиторией – тем выше риск потери контроля над контактом. И тогда уже не ты направляешь мысли толпы в нужную тебе сторону, а толпа непредсказуемо выворачивает все твои начинания и устраивает жесткий информационный замес, из которого не всем и не всегда удастся выбраться. Опять же, все мы знаем случаи, когда люди, особенно часто этим славятся разного рода медийные личности, устраивали некий «перфоманс», а потом морально погибали под его результатами и последствиями.

Я не сторонница крайностей, мне одинаково не близки ни усредненная безликость из разряда «я как все», ни лю-

тый выпендрож. Крупная брошь-цветок – вариант достаточно броский, но не выходящий за грани разумного. Идея не моя, я подсмотрела ее у одной женщины, уникально сочетающей в себе весьма востребованного и успешного юриста и творческий взгляд живописца и дизайнера. Для нее подобные броши – неотъемлемая часть стиля, делающие образ узнаваемым и запоминающимся. Стили у нас разные, но именно идею с брошью я взяла на вооружение и довольно часто успешно использую.

Белоснежная тканевая хризантема, выглядящая как живая на лацкане моего пиджака, становится магнитом для взглядов. Некоторые люди называют подобные аксессуары «кричащими». Отлично, пусть кричит: «Внимание! Все смотрите сюда! Запомните меня!». Даже опытная ведущая, каких только персонажей в своей студии ни принимавшая, и то временами против воли примагничивается взглядом к цветку.

- Судебный иск – не слишком ли жесткое решение в данной ситуации? – деловым тоном интересуется она. – Ведь отзыв был оперативно удален, а само его содержание указывает на то, что человек, написавший это, находился в состоянии душевной смуты.

- Мы не ставим себе целью месть или показательное наказание, - отвечаю я. - Я вполне допускаю, что автор этого безобразия уже сожалеет о своем порыве. Такие вещи часто пишутся на эмоциях, в моменте. Потом человек остывает и

сам не понимает, зачем все это натворил. Но тут, как говорится, фарш назад не прокручивается, оставить эту ситуацию без внимания мы не имеем права, иначе каждый будет считать, что в нас можно кинуть грязью, и за это ничего не будет. Поэтому мы и идем в суд – за честным и справедливым решением.

- Ходят слухи, что вы запросили очень большую компенсацию?

«Очень большая» компенсация – еще один крючок. Мы действительно обозначили крупную сумму, но не рассчитываем ее получить. Наша цель – создать как можно больше информационного шума вокруг всей истории, а серьезные деньги всегда прекрасно «шумят». Но вслух, конечно же, я говорю другое:

- Естественно, а как иначе? Репутация не берется из воздуха – она требует усилий, выращивается годами. А значит, и любая вмятина на ней стоит очень дорого. Сегодня агентство «Видали?!» хорошо знакомо не только бизнесу нашего города – у нас есть проекты и по стране, и за рубежом. Люди ценят нас за профессионализм, и мы всегда очень бережно подходим к сохранению нашего доброго имени.

И снова спасибо тебе, Безумная Лица, за возможность произнести эти слова на крупном информационном канале во время, когда к нему обращено внимание большого количества людей! Если бы тебя не было – тебя бы стоило придумать!

Благодаря всем этим медийным активностям мы заполучаем сразу несколько запросов на сотрудничество. Два из них, весьма интересных, берем в обсуждение, а с третьим уже на первой же встрече подписываем контракт. История с грязным отзывом очень выгодно и приятно окупается.

В среду у меня назначена встреча с Петром Петровичем. Человека не узнать! Он буквально впархивает в кабинет, невероятно окрыленный этим первым и пока еще небольшим успехом. Он настолько доволен, что приносит мне цветы, и по удивительному совпадению, это опять эквадорские розы. Только синие.

Конечно, не такой роскошный неохватный букет, которым порадовал меня Марк. Просто пять прекрасных крупных цветов, которые подарены с такой детской искренностью, что бесконечно дороги мне. Бог его знает, почему преподаватель выбрал именно синие розы. Этот цвет кажется мне удивительным и странным, зато профессионал внутри меня тут же подсказывает: «Они нестандартные. Именно поэтому ты запомнишь их надолго!».

- Марта, я должен перед вами извиниться! – едва присев чуть ли не кричит от волнения Петр Петрович. – Должен признаться, ваша идея показалась мне пустяковой. Прошу меня простить! Я посчитал себя экспертом там, где ни в чем не разбираюсь. А вы талантливы! Вы – гений!

- Петр Петрович, – смеюсь я, - спасибо вам! Правда, спасибо, мне очень приятно это слышать. Но это же моя рабо-

та...

- И вы делаете великолепно! - экспрессивно машет руками он. – Вы понимаете, ко мне же люди стали добавляться! Сами! Раньше ко мне никто не добавлялся просто так, только я сам всех звал и уговаривал. А теперь меня, то есть, нас с Петровичем, реально смотрят! Одна девочка даже написала, что у меня годный канал!

Зоя приносит нам чай, и мы с преподавателем углубляемся в деловую беседу. Я подсказываю, что нужно подправить и докрутить, а Петр Петрович вдохновенно фиксирует все по старинке руками в блокноте, причем записывает простым карандашом. Бывший военный, что ли?

Мы договариваемся быть на связи, но по большому счету наше сотрудничество закончено. По крайней мере на данном этапе Петр Петрович получил все, что необходимо, чтобы вдохнуть искру в свой образовательный блог и раздуть из нее пламя интереса. Я расстаюсь с ним с легкой грустью. Хороший человек – чистый, искренний, делает полезное дело.

- Я буду рекомендовать вас всем, кому только возможно! - обещает он напоследок. - Еще раз спасибо! Всего хорошего!

Он уходит, а я откидываюсь на спинку кресла и несколько минут нежусь на волнах удовлетворения. Еще один клиент «Видали?!» покинул стены офиса, довольный результатом. Это ли не счастье?

Безумная Лика и ее железная мама

Безумная Лика приходит на встречу с мамой. Очень вовремя: до суда еще несколько недель, а новость о нашем конфликте в инфополе уже подзатерлась среди других, более свежих.

Я наконец-то воочию вижу это недоразумение, загадочную соседку Марка, которой пришло в голову тиснуть во все места заведомо ложный и максимально провокационный отзыв. Впрочем, визуальный контакт мне мало что дает – у девушки на голове капюшон, на носу черные очки в пол-лица. Как это часто бывает, смелость, которая фонтанировала, пока человек прятался за экраном, иссякла, как только общение перешло в офлайн.

Ее мама представляет намного более обширное поле для наблюдений. Это типичная бизнес-вумен в классическом брючном костюме малахитового цвета, с ультракороткой стрижкой и единственным аксессуаром в виде умных часов, на которые она то и дело поглядывает.

Ее стиль – давление и агрессия, она с порога пытается прибрать инициативу к рукам и задать тон беседе, в то время как дочь смиренно сидит рядом, прижавшись, как озябший воробушек к теплому карнизу и демонстрируя покорность судьбе.

- Добрый день! – старшая из посетительниц по-хозяйски

уверенно располагается в кресле напротив. – Меня зовут Маргарита Анатольевна, я здесь для того, чтобы представлять интересы моей дочери.

- Здравствуйте. Приятно познакомиться, я – Марта Пономарева, совладелица агентства «Видали?!». Ваша дочь несовершеннолетняя?

- Ей двадцать два, - сухо сообщает Маргарита. – Но говорить с вами буду я. Вы выдвигаете чрезмерные требования. Я ознакомилась с вашим иском, сумма слишком большая!

- Именно такую сумму мы собираемся взыскать, - ровным тоном подтверждаю я. – Она складывается из нескольких моментов. Во-первых, это компенсация моего личного морального вреда. Ваша дочь ведь мне не ногу в трамвае отдала – она публично меня оболгала, намеренно придав этому событию максимальную огласку. Во-вторых, это компенсация упущенной выгоды. Люди теперь не спешат подписывать с нами контракты, а наши контракты, как вы понимаете, стоят недешево. Наш юрист уверен в том, что иск будет удовлетворен. Хотя решение, естественно, остается за судом. Если вы убеждены в том, что наши притязания необоснованны – вам не о чем волноваться.

Но она прекрасно знает, что волноваться очень даже есть о чем. Поэтому, убедившись, что напором здесь ничего не добиться, Маргарита оперативно сбавляет обороты:

- Но ведь возможны и другие пути решения.

- Возможны. Но прежде, чем мы начнем их обсуждать, я

хочу прояснить саму суть ситуации. Скажите, - я поворачиваюсь к Лике, - вам действительно так нравится Марк Савченко?

- Я... Мне... Да, он нравится, но это все не так... Это была просто шутка... - я узнаю этот нежный, растерянный голосок с хрипотцой. – Марк не знал, он ни при чем... Я не хотела...

Что ж, пожалуй, хорошо, что она пришла с мамой, иначе мне пришлось бы убить день на то, чтобы разобраться в ее бессвязном эмоциональном бормотании.

- Анжела, не плачь, пожалуйста, успокойся. Я со всем разберусь, - Маргарита ободряюще хлопает ее по спине и обращается ко мне: - Видите ли, Энджи – очень восприимчивая девушка. И у нее с детства активное воображение. Она может увидеть что-то – человека, машину, какую-то любую вещь, и у нее моментально рисуется сюжет. На ровном месте вырастает целый мир. Конечно, она понимает, что это игра воображения, но иногда как бы... заигрывается, скажем так. Ей нравится представлять все это, она проживает эти истории внутри себя и отпускает их. Но иногда образы такие яркие, что она путает придуманное и реальное. Это наша большая беда. Марк Савченко – ее сосед, они регулярно пересекаются, и она просто играла в своем мире, представляя семью с ним. А потом случайно в магазине услышала, как он говорил по телефону, собирался прислать вам цветы. И она приняла это слишком близко к сердцу. Поверьте, Энджи сама от этого очень страдает. Сработала фантазия, только и

всего, понимаете?

Только и всего... Малышка Энджи, она же Безумная Лика, пыталась вполне реально провертеть дырку в гладком боку бригантины под названием агентство «Видали?!» и если не пустить ко дну, то, как минимум, соорудить крайне неприятную течь потому, что заблудилась в собственных фантазиях. Стесняюсь спросить, а где была мама, которая теперь ее так трепетно опекает? Но которая, как известно, проживает отдельно от своего неразумного чадушка и не слишком рада видеть ее у себя в гостях.

Лика все это время кивает, низко склонив голову, временами судорожно вздыхая и вцепившись двумя руками в мамину ладонь. Внезапно мне вспоминается, как в детстве я дружила с девочкой, которая была способна как бы случайно, но по-настоящему в кровь разбить коленку ради того, чтобы мама ее обняла и пожалела.

В принципе, я не удивлена, даже чего-то в этом роде и ожидала. Потому, что человек в здравом рассудке такое исполнять не будет. Вопрос в другом.

- Понимаю, - киваю я, спокойно глядя ей в глаза. – В действиях вашей дочери не было сознательного умысла нанести ущерб нашему агентству. Но факт остается фактом: отзыв был, люди его читали.

И я не собираюсь закрывать на это глаза. По-человечески я им сочувствую, конечно. Хотя у меня лично возникает большой вопрос, почему, имея такие проблемы, они не об-

рацаются за помощью к специалистам.

- Чего вы хотите? – интересуется Маргарита, поняв, что историей про страдания Лики не отделается. – Если без суда?

- Публичное опровержение. Публичные извинения. И компенсация, естественно.

- Сколько?

- Половина. И я надеюсь, что вы понимаете, что это серьезная уступка с нашей стороны.

- А без публичности никак не обойтись? - поджимает губы она.

- Никак. Вы же понимаете, задета наша репутация.

Лику съеживается в комок и снова начинает хлюпать носом. Мне жаль ее. И не исключено, если бы дело касалось только меня, я бы ее отпустила на все четыре стороны. Но дело касается агентства. Впрочем, наступил момент, когда от конфронтации пора переходить к сотрудничеству.

- Единственное, что я хочу подчеркнуть, - продолжаю я, - это то, что речь идет именно о восстановлении нашей репутации, а не о разрушении вашей. Нам не нужна показательная порка. Нам не нужна месть. Но нам с вами нужно исправить ситуацию.

- Я что-то не совсем понимаю, как это возможно осуществить, - недовольно произносит Маргарита.

Что ж, это очень четко ее характеризует. Жесткая женщина, не признающая компромиссов. Не исключено, что идеальное решение проблемы для нее заключается в формуле:

«Хороший враг – мертвый враг». Если не в буквальном, то в деловом смысле уж точно. А может быть и в моральном. Ей бы не мешало пересмотреть свои коммуникационные стратегии. Но вслух я этого, конечно, не говорю. Наоборот, отвечаю:

- Ничего страшного, я знаю, как это сделать. Мы же пиар-агентство, мы формируем потоки информации и управляем ими. Мы подберем формулировки, которые устроят и нас, и вас, и возьмем на себя их размещение в медиа. Я даю вам слово, что если с вашей стороны больше не будет предпринято никаких опрометчивых шагов, мы сделаем все с максимально возможной деликатностью. Грязный хайп нам самим невыгоден.

Бизнесменша долго оценивающе на меня смотрит. Но если в начале встречи это была оценка, как бы половчее откусить мне голову, то теперь в ней проснулась деловая хватка, и появились первые мысли о том, что посотрудничать мы можем не только в этой ситуации. Но тут Лика снова судорожно вздыхает, и внутренний тумблер в голове этой женщины стремительно переключается на режим «заботливая мать».

- Все, хорошо, я поняла, - быстро говорит она, обнимая дочь за плечи. - Нам нужно все обдумать и обсудить. Но скорее всего, мы примем ваши условия. Спасибо за продуктивную беседу. Анжела, пойдем. Пойдем, дорогая.

Пару минут я смотрю на закрывшуюся за ними дверь. Интересно, это Лика отжигает, чтобы чрезмерно занятая мама

хоть так обращала на нее внимание? Или это Маргарита прячется в своем бизнесе от проблем, которые периодически создает ее любимая, но очень странная дочь? А может быть и то, и другое. В любом случае, надеюсь, что однажды до специалиста они все же доберутся...

А мне, наверное, уже можно начерно подсчитать плюсы. Итак, увеличение узнаваемости и упоминаемости, а значит, и рост популярности в интернет-пространстве – это плюс номер раз. Один нелояльный клиент ушел, трое пришли. Это плюс номер два. Опровержение, когда выйдет, тоже прекрасно сработает в качестве рекламы для нас. Это плюс номер три. Да еще и денежная компенсация будет. Сплошные плюсы!

Неожиданный мальчик

Как сложно порой дается людям исправление собственных косяков! В той же студии, что и я пару недель назад, Лика на камеру дрожащим голосом публично опровергает собственный отзыв и приносит извинения. Она по-прежнему в очках и капюшоне, что добавляет всей истории мрачноватый таинственный антураж. Мама, к счастью, рядом. Может, у ведущей и были другие планы, но Маргарита не из тех людей, которых сильно волнуют представления окружающих о том, как нужно проводить эфир.

Но это, наверное, к лучшему. Лика получила от нас хорошие рекомендации, как себя вести и что говорить, чтобы по возможности безболезненно завершить ситуацию, а имя Марка и название «Ноксархи» нигде не засветилось. Но все равно ответы на вопросы ведущей даются ей крайне мучительно. Грустно. Эта девочка напрочь заблудилась в своих переживаниях, сама не понимает, зачем творила всю эту дичь. Одно радует – бронебойная мама рядом.

Я ставлю запись эфира на паузу и прошу Зою сделать мне кофе. Вместе с чашкой она приносит обновленное расписание: клиент, которого я ждала в четыре, перенес встречу на пятницу, а на сегодня записался некий Артем Белых. Знакомая фамилия.

- По какому вопросу?

- Он как-то так странно выразился. Говорит, что уже приходил раньше, но теперь у него другая идея, но какая не сказал.

Так... Спасибо хоть, что Марка в этот раз подсылать не стал. Мальчик решил посетить нас лично. Опять какую-то фиговию придумал? И что мне с ним делать? Ладно, разберусь.

В назначенное время Артем входит, двигаясь какой-то ленивой, развинченной походкой, одетый все в том же демократичном стиле.

- Здравствуйте, Марта Семеновна, - уважительно здоровается он, усаживаясь в кресло для посетителей, и я окончательно начинаю чувствовать себя взрослой-превзрослой тетей.

- Здравствуйте, Артем Денисович. Чем могу вам помочь?

- У меня к вам просьба, - прямолинейно начинает он. – Возьмите меня, пожалуйста, на работу.

Ого!

- Как? В каком смысле? – я даже теряюсь. Все, что угодно ожидала, только не это.

- На работу, - покладисто повторяет он. – То есть, не совсем на работу, а стажером. Марта Семеновна, я знаю, что вы сейчас не набираете сотрудников. Но я надеюсь, что вы найдете возможность откликнуться на мою просьбу. В будущем мне предстоит перенять дело отца, я к этому морально готов и знаю, что однажды это станет делом моей жизни. Но я также понимаю, что мне многого не хватает. Я считаю, что

если уж делать работу – то делать ее хорошо. Для руководства большой компанией нужны очень разные навыки, и не все они у меня есть. В частности, мне не хватает гибкости, и я хочу поучиться ей у вас.

- У меня? – только и переспрашиваю я, мысленно подбieraя челюсть, которая от всего этого свистнула до самого пола.

- Да. Во-первых, я наблюдал за вами во время переговоров. Мы изначально пришли с нежизнеспособной идеей, и вы это сразу поняли. Но мне понравилось именно то, как вы нам отказали. Это было ощущение заботы, соблюдения наших интересов. Бывает, что потенциальный партнер отказывается от сотрудничества и выражает сожаление по этому поводу. У вас было как-то по-другому. Не могу пока подобрать нужного слова, как будто более качественно. Это первый момент. Второй момент – это мои наблюдения по поводу того скандала. Ситуация была скользкая, а вы не просто свели негатив к минимуму, но еще и повернули себе в плюс. И при этом без лишней жестокости. Я видел ту девушку, по ней психушка плачет, а вы не стали доводить до суда – только сняли сливки. Мне не хватает подобных навыков. Я не утверждаю, что готов всю жизнь посвятить пиару. Но я хочу поучиться у вас, понаблюдать, как вы ведете дела, как общаетесь с людьми, как принимаете решения. Поэтому я прошу взять меня стажером. Платить мне не нужно, как вы понимаете, это же моя инициатива. Я дисциплинированный, от-

ветственный. Что скажете?

Вот тебе и мальчик... Это еще вопрос, кому у кого поучиться не мешает! Интересно, что бы сказал сейчас на это его папенька? Впрочем, Артему же не пятнадцать, а двадцать пять, есть своя голова на плечах, и, судя по тому, как он формулирует мысли, соображает эта голова неплохо, хоть и несколько своеобразно. Мне бы с Марком посоветоваться...

- Артем Денисович, - осторожно отвечаю я, - признаюсь, вы меня поставили в тупик. Неожиданное предложение, и мне нужно его обдумать.

- Что конкретно вас смущает?

Цепкий какой!

- Пока не могу сказать. Ситуация нестандартная, мне нужно время, чтобы в ней сориентироваться.

- Вас смущает то, что я папин сын, - прозорливо произносит он. – В этом все дело? Бойтесь завести себе проблему?

Он попадает в точку, я действительно опасаясь, что его отцу может не понравиться вся эта история. Но если скажу как есть, скорее всего, парень оскорбится, вон, как глаза заблестели.

- Я же не прошу у вас должность, - продолжает давить он. – Я прошу просто возможность присутствовать. Давайте мне любую работу, я не буду кривляться. Хотите, сварю вам кофе?

- Зачем?

- Чтобы вы поняли, что я не шучу. И мне не сложно варить

вам кофе. Разбирать вашу почту, встречать посетителей, поливать цветы...

Вот только сын олигарха мне еще кофе не варил!

- Артем, то, что вы перечисляете – это обязанности Зои. Это девушка, которая встретила вас в приемной.

Он поджимает губы:

- Я назвал первое, что пришло мне в голову. Просто, чтобы вы понимали, что я с вами не играю, я серьезно.

- Я понимаю...

А в самом деле, что меня смущает, кроме смутного предчувствия? И даже не предчувствия, а застарелого страха, что «богатеям доверять нельзя». Я так не думаю. Так считают мои родители, но у них свой жизненный опыт и своя логика. Нужно ли на нее равняться?

- Тогда что не так?

- Погодите, Артем, не торопите меня. Мне нужно все обдумать. Я просто не ожидала такого поворота, вот и все.

- На вашем месте я бы ее укатал.

- Что, простите?

- Девчонку, которая написала тот отзыв. Если бы я был на вашем месте – я бы ее не пощадил. Я протащил бы ее через суд, я заставил бы ее публично признаться в том, что она больная, предъявить справку на весь белый свет. Я сделал бы все, чтобы ее опозорить, разрушить и быть уверенным, что она больше не сможет даже смотреть в сторону интернета. Понимаете теперь о чем я?

- Нет. Вот теперь совсем не понимаю.

- Мне не хватает гибкости. Я – сын своего отца, а Денис Белых какой угодно, но точно не мягкий. В каком-то смысле он все еще живет в девяностых. То есть, он, конечно, честный человек и без криминала, но подход у него предельно жесткий. Его любимые слова: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир – пусть лучше он прогнется под нас». А мир изменился. Сейчас нельзя быть жестким. Точнее, нельзя быть только жестким. А я умею только это. И я хочу поучиться у вас гибкости.

Что ж, насчет жесткости он в чем-то прав. Он же не готов принять отказ, он будет давить и уговаривать, пока я не соглашусь. Или разозлится, и я наживу себе врага. Я смотрю в его голубые глаза, и мне приходит в голову, что тоже есть чему поучиться у этого «мальчика». Он пришел просить, но это ж надо уметь так обставить свою просьбу, что отказаться не получается. Нет, конечно, я могу просто взять и сказать «не хочу». Но я не хочу. Это непростой человек, и мне, как минимум будет интересно пообщаться с ним.

А как максимум – очень полезно побыть в обществе парня, рожденного с «золотой ложкой во рту». У него же совсем другой менталитет, другое понимание жизни, другой подход к людям. И мне полезно это поизучать.

А еще мне приходит в голову, что Артем Денисович прекрасно знает, какое инфантильное впечатление производит и намеренно поддерживает этот образ. Любопытно, Марк по-

нимает, с кем на самом деле имеет дело? Надо будет спросить его, когда буду говорить, что приняла «мальчика» на работу.

- Хорошо, Артем Денисович. Вы меня убедили. Давайте попробуем в тестовом режиме, к примеру, неделю, хорошо? Присмотримся друг к другу и решим.

- Отлично! Спасибо вам!

Он озаряется такой милой, такой солнечной улыбкой, что невозможно не улыбнуться в ответ.

Ой...

- Марта, ты уверена? Артем совсем не такой пушистый, каким кажется.

Удивительно, как быстро привыкаешь к некоторым вещам! Вечером Марк везет меня ужинать. Это наш третий ужин, но все уже кажется таким привычным, естественным и правильным.

- Честно говоря, я сначала посомневалась, но не нашла к чему придраться. А потом мне стало любопытно, что из этого выйдет. А еще я хочу послушать твое мнение о нем.

- Экспериментаторша! – с усмешкой фыркает он. – На самом деле придраться мне особо не к чему.

- Мне показалось, ты его недолюбливаешь?

- Да как тебе сказать? – Марк задумчиво оглаживает пальцами свою бородку. – Если подумать, лично у меня к нему претензий нет. Вопрос скорее в его отце.

- А что с отцом?

- Если говорить касаясь меня, то меня подбешивает, когда Денис сдает мне своего сына в нагрузку. Как тогда, с проектом. Вроде и отказать неловко, но вот мне оно надо?

- А это часто бывает?

- Да нет. Но пару раз было. Я считаю так: если ты мальчик – тогда сиди рядом с папой и делай, что он говорит. А если ты взрослый – то сам решай свои проблемы. А Артем

все пытается слепить два в одно: он у нас и наследник папиного дела, и при этом независимый и самодостаточный. У старшего Белыха от этого прямо тряска начинается, когда он видит, что сыночка-корзиночка опять не туда сворачивает. Так что имей в виду, он может разозлиться.

- Мне-то что? Мы с ним даже незнакомы, и тем более меня не касаются их семейные дела.

- Так-то да... Нет, вообще, Артем нормальный. Более-менее. В общих чертах.

- Мне тоже так показалось.

Я вспоминаю, как знакомила его с коллегами. Слух, что «мальчик» не простой, а золотой, разнесся по офису быстрее скорости звука, видимо, передался телепатически. Поэтому сотрудники «незаметно», но пристально рассматривали его, шушукались за спиной, а наша нежная впечатлительная Зоя и вовсе покрылась бордовым румянцем. Сын олигарха относился к этому со смирением человека, привыкшего, что его постоянно обсуждают и оценивают. Впрочем, отчасти это так и есть, Белых-старший не является публичной персоной, но большие деньги сами по себе слишком привлекательны, поэтому совсем избегать внимания не удастся ни ему, ни его близким.

Клиентам я рекомендовала Артема, как своего ассистента. Интересно, сколько понадобится времени, чтобы поползла новость о том, что мне ассистирует сын самого владельца «Ноксархи»? Везет мне последнее время на неожиданные

инфоповоды, которые можно обернуть в свою пользу!

Хотя, должна отметить, что время наш «мальчик» терять не собирается – если при клиентах помалкивает, то после их ухода и в обсуждениях участвует и с инициативами влезает. Не стесняется задавать вопросы, даже дурацкие, что похвально, и довольно быстро схватывает суть.

- Слушай, а мама у него есть?

- У кого?

- У «мальчика».

- Есть, конечно. А почему ты спрашиваешь?

- Да просто не слышала про нее ни разу, как будто только отец и сын.

- Ну, по-своему это так и есть. Жена Дениса – это женщина для красоты. Она не плохая, ничего не могу сказать, добрая, вполне милая. Просто никакая. На мой личный вкус, конечно. Внешне супер, вопросов нет. Бывшая модель, Артем в нее пошел. Но серьезные дела ее не интересуют, живет в своем мире. Главное, что Белыха это устраивает, зато у них вечная идиллия, она его слушается во всем, и ни одного скандала. Так что «мальчик» внешностью в маму, а характером в папу. Ладно, что мы все о нем, да о нем, - машет рукой Марк. – У меня для тебя есть интересное предложение.

- Я вся заинтригована.

- Марта, родители приглашают тебя на кофе.

Ой... Вот это новости! Наверное, потрясение слишком явно читается на моем лице потому, что он продолжает:

- Ты не думай, ничего такого. Просто мои родители – очень общительные люди. Я проболтался маме, что познакомился с хорошей девушкой, а у мамы сразу, конечно, уши на макушке. Аж нос от любопытства вытянулся. В общем, я сам не понял как им пообещал, что позову тебя. Просто кофе, ничего такого.

«Ничего такого», ага! Чувствую себя, как будто восьмикласска, которая видит, как учитель водит пальцем по журналу и понимает, что вот-вот вызовут к доске. Но, с другой-то стороны, мужчины, особенно такие, как Марк, просто так девушку с родителями не знакомят. А зная, сколько для него значит семья, это приглашение – что-то на очень серьезном. И волнение мое – глупое. Стесняться мне точно нечего, наоборот, есть чем гордиться. Да и смысл отказываться? Еще не хватало их обидеть!

- Я, конечно, слегка обескуражена... Но, конечно же, с радостью познакомлюсь с твоими родителями.

Удар под дых

- Вы понимаете, они такие милые, безобидные люди! Пожилые уже совсем, добрые, никому никогда вреда не причинили. А живут впроголодь, по соседям милостыню кланчить приходится!

Тетя Марина кликушествует в микрофон, пока я, в буквальном смысле протирая глаза, пытаюсь поверить, что действительно вижу это в вечерних новостях. Тетя Марина со сладострастием мстительного человека рассказывает корреспонденту, как бессердечно я лишаю родителей краюшки хлеба. Ну почему она такая дура?!

- Приезжает всегда на такой машине дорогой, все вещи модные, вся аж лоснится. А родителям вот так вот пакет с едой кинет – и все! Как хотите, так и живите!

Соседка исчезает с экрана, вместо нее появляется наша старенькая пятиэтажка, снятая с максимально неприглядного ракурса – через лужу. Потом в кадр попадают обрывки объявлений на доске у двери, пластиковые мисочки, из которых местные доброхоты несмотря на все запреты стоически кормят котов. Ничего не имею против котов, пусть едят, но мисочки в общем контексте выглядят исключительно убого, а главное, вся эта картинка плотно склеивается в восприятии аудитории с бедственным положением моих родителей. А вот и они сами.

- Нет-нет, Марта – она хорошая. Хорошая, - блаженно улыбается мама.

Они уже выпили. Точнее, кто-то дал им выпить, причем ровно столько, чтобы мозги успели размягчиться, но на внешности и речи это пока не очень отразилось. Поэтому мои родители выглядят как два кротких старичка, улыбающихся, добреньких и наивных, прощающих суке-дочери ее жадность и равнодушие.

Но меня-то не проведешь – я столько раз видела их во всех стадиях опьянения, что могу узнать это состояние с полурюмки. А если попал хоть глоток, из недр разъеденного алкоголем организма вырывается такая жажда, справиться с которой ни один из них не в силах.

Скорее всего, выпивка стоит тут же, в зоне досягаемости, и им пообещали, что получают ее, как только дадут интервью. Нет, конечно, мои родители не будут меня намеренно топить, они вообще меня любят, как умеют. Беда лишь в том, что оба плохо соображают, и завести их наводящими вопросами в ловушку не составит труда.

- Да-да-да, наша Мартушка – очень славная! – кивает папа.

- Она хорошая? – уточняет корреспондент. – Заботится о вас?

- Да, конечно. И покушать привозит.

- Значит, не дает вам с голоду умереть?

- Нет-нет-нет! – улыбается мама. – Привозит нам и хлебу-

шек, и колбаску. Вот килечку в томате папа очень любит – всегда ему покупает.

О, Боги! Папа в самом деле всю жизнь любит кильку в томате. В конце концов, имеет право. И поэтому я действительно ее регулярно привожу. Но людям разве объяснишь? Сейчас вся огромная аудитория крупного канала своими ушами слышит, что для моих родителей банка кильки в томате – за праздник!

Это не официальные СМИ, а раскрученный частный медиаблог, тяготеющий к «желтому» контенту. До прямых вымыслов не опускаются, но вот так вот поизвращаться, перевернуть факты, пожертвовать достоверностью ради эмоциональности – вполне в их духе. Увы, для большинства людей тот, кто держит в руках микрофон и кого снимают на камеру, до сих пор автоматически считается источником правды. Второе увы – это то, что канал действительно популярный, а значит, вместе со мной сейчас это непотребство смотрят тысячи людей.

- А вы ею гордитесь, да? – не унимается корреспондент. – Ее успехами, достижениями?

- А как же, конечно!

- По телевизору про нее смотрите?

- А телевизора нет у нас, - смущенно улыбается мама.

Нет, конечно, нет. Трех купленных за свои деньги телеков мне хватило, чтобы понять, что четвертый постигнет та же судьба – его пропыют.

- А как же вы без телевизора? Что ж вам дочка не купит?

- А дочка сказала, чтоб радио слушали, - смеется папа.

Для него это забавная шутка, для меня – еще один гвоздь в крышку гроба моей репутации.

- А вот вы меня простите, пожалуйста, за такой вопрос, может, я просто что-то не так понял? Говорят, приходится вам иногда продукты продавать?

- Бывает, а что такого? – рассеянно отвечает мама, глядя алчным взглядом куда-то мимо него. – Бывают у нас потребности, что и денежки нужны. А денежек нету – вот и выкручиваемся.

- Так что же, вам голодать приходится?

- А это и не голодание, - она сглатывает с кроткой улыбкой. – Мы называем, что это диета...

Я захлопываю крышку ноутбука – сил смотреть на это больше нет!

Вы когда-нибудь голышом по улице ходили? Так, чтобы каждый мог рассмотреть все в подробностях, заглянуть во все места, обсудить, оценить? Наверное, что-то похожее я сейчас испытываю. Кто-то зачем-то ободрал с меня одежду и выставил позориться перед всем белым светом.

Но есть нюанс. Я не боюсь наготы – ни телесной, ни душевной. Голопопить почему зря я, естественно, не буду, но коль скоро кто-то решил обнажить мои «постыдные» тайны, могу сказать лишь одно – мне стесняться нечего.

Да, все так и есть: я не даю родителям денег, у них нет

ни телевизора, ни микроволновки, а квартира выглядит пошарпано и печально. Кто-то скажет: «Фу, какая жестокая девочка», а кто-то и пожалеет: «Сколько же ты, бедная, натерпелась!». Но главное – моя жизнь, какой бы она ни казалась непосвященным, не может стать для меня инструментом давления или позора. Я принимаю ее такой, какая она есть, а она неидеальна. И в этом я не отличаюсь абсолютно от любого другого человека. Как говорится, по воде никто из ныне живущих не ходит.

Что я чувствую сейчас? На душе, конечно, предельно мерзко. Не уверена, что смогла бы сдержаться, если бы человек, сделавший это, возник сейчас передо мной. Но если раньше от такого я бы только бессильно заплакала, то сейчас мне, как и в случае с Ликой, хочется дать сдачи. Слезы тоже где-то близко, но это не слезы обиженной девочки, которую незаслуженно пнули. Это очень злые слезы, я чувствую, как они подступают, но так и не проливаются, превращаясь в яростное желание действовать.

Но это уже точно не Лика. Она бы такое не провернула. В том, как подана информация, чувствуется и структура, и опыт. Конкуренты? Вероятнее всего. Лика подала им идею, и сейчас всю волну хайпа, понявшуюся вокруг «Видали?!», пытаются обернуть против нас. Что ж, вызов принят. Думай Марта, думай! Как выкручиваться будешь?

К гадалке не ходи

Однажды, у одной питерской психологини я увидела поистине гениальную рекламу, слоган которой гласил: «Выхода нет? А если найду?». «А если?..» – это вообще ключ к решению многих проблем. А если решение существует? А если есть возможность перевернуть ситуацию себе на благо? А если есть реальная возможность получить то, что я хочу, просто я ее пока не вижу?

В офис на другой день я приезжаю раньше обычного, но в приемной меня уже встречают взъерошенная Зоя с пылающими щеками и по-средневековому мрачный Артем.

- Марта, прости, я без церемоний, - прямолинейно обращается он. - Это правда?

- Да, это правда, - я спокойно выдерживаю его испепеляющий взгляд. - Артем, мои родители больны, они алкозависимые люди. Все, что может быть пропито – они пропивают. Давать им деньги — это все равно, что заливать им водку собственноручно. Я знаю, что однажды они... Я не услежу, и они допьются до смерти. Но я точно не хочу быть причиной этому.

- Понял, придурок? - Зоя вскидывает остренький подбородок в неподдельной гордости за свою руководительницу.

- Зоя, спасибо за поддержку. Но давай немножко сбавим обороты, - мягко осаждаю ее я. – Мне бы не хотелось сейчас

еще и с конфликтами в коллективе разбираться.

- Да, Марта, прости, пожалуйста! Это больше не повторится, - она бросает на Артема еще один испепеляющий взгляд.
- Просто не все здесь способны адекватно разобраться в ситуации.

- Просто не все здесь способны нормально все объяснить, - раздраженно парирует Артем.

- Какие страсти! - Усмехаюсь я. - Неужели это начало большой любви?

Оба как по команде, захлопывают рты, но продолжают презирать друг друга молча. Да, придется растаскивать этих крабов по углам, пока они не успели всерьез покромсать друг друга.

- Артем, пройди, пожалуйста, в кабинет, - прошу я.

Надо отдать ему должное, он абсолютно легко воспринял то, что в офисе мы все на ты и без пиетета к общественному положению друг друга, каким бы оно ни было. Обвинять его в нелояльности с моей стороны было бы глупо, но все же приятно видеть, с каким заметным облегчением он воспринял мое объяснение.

Прикрыв дверь, я прошу:

- Послушай, постарайся, пожалуйста, не конфликтовать с Зоей.

- Она слишком нервная! – все еще не остыв, бросает он, эмоционально встряхивая своей челкой.

- Вот именно. Помни об этом. Мне правда очень бы не

хотелось сейчас отвлекаться на ваши разборки.

С минуту он молчит, нахмурившись и уйдя в себя, а затем как-то расправляется и говорит уже совершенно другим, рассудительным тоном:

- Прошу прощения за свое поведение. Ты права, это детский сад, я постараюсь держать себя в руках. А Зоя – молодец, она вообще-то тебя защищала. Зря я на нее. Обещаю, я постараюсь с ней помириться.

- Супер. Рада, что ты все воспринял именно так. С Зоей можешь начинать мириться прямо сейчас – скажи ей, пожалуйста, что совещание через полчаса. Она знает что делать.

Совещание проводим в моем кабинете, неформально расположившись в мягком уголке. Состав участников другой. Юру не позвали, ведь речь идет не об очередном фейке или клевете, а о правде, поданной весьма изощренным способом. Судиться об этом нам пока не с кем, да и вряд ли в этот раз вообще дело дойдет до юридических разбирательств. Здесь нужно действовать совсем по-другому.

Поэтому присутствует Аня Бересклетова, как лицо, прямо заинтересованное в сохранении имиджа агентства. Зоя, как всегда, фиксирует, Артем наблюдает. Татьяна тоже здесь, ей снова предстоит работать над постами и пресс-релизами.

- Узнаю руку «мастера», - со злой иронией говорит Аня.

- Думаешь, он?

- К гадалке не ходи!

Если меня Владлен выпнул со словами: «Ты давно уже со-

зрела для самостоятельного плавания», то Веня вылетал с напутствием: «Чтоб я тебя никогда больше не видел, глист вонючий!», что являлось прямым намеком на любовь моего бывшего коллеги как к фактам вполне понятного сорта, так и к способам их добывания.

Пиар – это, прежде всего, технологии управления информацией, но многие люди считают, что это обязательно что-то грязное. Веня же считает это основным преимуществом своей работы. Его не привлекает вранье или фантазии, но он просто обожает помоечную, развратную, омерзительную правду. Веня – грязный сплетник по своей природе, а когда он понял, что за это можно еще и деньги получать, то обрел свое призвание.

Ему нравится сидя за монитором компьютера загонять разным людям эмоциональные иголки под шкуру. Как мальчишка, который кидается мусором с балкона – гадко, противно, офигеть как раздражает, но достать его сложно, и мало кто связывается. Кроме того, Веня филигранно умеет соблюдать черту, за которую нельзя переступать. Он ни разу не позволил себе лжи – его таланта преподносить правду так, чтобы она создавала нужное впечатление, хватает и без вранья.

- «Гнилая селедка» - его любимый подход, - добавляет Аня.

- Что еще за «гнилая селедка»? – живо интересуется Артем.

- Метод информационной войны. Находишь компромат и подаешь его таким способом, чтобы «воняло» максимально сильно. Некоторые вообще из головы сочиняют, но Веня всегда берет за основу факты, а потом извращает их – для него это особый кайф. А извратить при желании можно вообще все, что угодно. А чего ты так на меня смотришь? Любую информацию при желании можно перевернуть, и даже самые добрые поступки и чистые душевные порывы выставить так, что людей будет корезить.

- Да, ну! – не верит он. – Бывают же какие-то однозначные вещи!

- Например?

- Например... ну, не знаю... Дети спасли щенка, который провалился под лед.

- Отлично! Дай подумать минутку... - Аня Бересклетова прищурившись смотрит на мой пышущий зеленую спати-филлум. – Ну, смотри: сегодня утром двое подростков достали из полыньи щенка. Поступок на первый взгляд героический, но это лишь если забыть, что выход на тонкий лед смертельно опасен не только для собак. В этот раз обошлось, но сколько мы знаем случаев, когда ребята сами оказывались в воде и уже не могли выбраться оттуда? Стоит ли подобный «героизм» выпланных глаз матери, инфаркта родного отца? Ради чего это? Уж не ради того ли, чтобы друзья и подписчики вскорости смогли увидеть залетный ролик, который алгоритмы разнесут по сети, обеспечивая тысячи коммен-

тов и реакций?!.. Фух... Это экспромт, конечно. Если подумать-покрутить, можно еще хуже все вывернуть.

- Огонь! – одобрительно кивает Татьяна.

- Но... Ч-черт! – Артем, закусив губу, в замешательстве смотрит на Бересклетову, а она довольно ерошит свои пепельно-розовые волосы. – Пиарщики – вы страшные люди!

- Почему именно пиарщики? – пожимаю плечами я. – Теоретически так любой блогер может, любое медиа, которое не слишком заботится о престиже. В отличие от нас, прошу заметить – нам престиж дорог. Поэтому все, что в инфопространстве вызывает эмоции – дели на двое. А лучше на четыре. Потому, что дальше, если человек, против которого это направлено, начинает что-то объяснять, доказывать или, что еще хуже, оправдываться, у аудитории каждый раз возникает ассоциация с этой грязью, то есть «вонь» привязывается еще сильнее.

- А если игнорировать?

- Молчишь – значит, согласен.

- Чушь!

- Конечно, чушь, - киваю я. – Но люди в это верят.

Артем замолкает, осмысливая услышанное, а Татьяна задумчиво спрашивает:

- Хотелось бы понять, зачем ему это? Просто так, из природной вредности кампанию замутил?

- Скорее, воспользовался случаем. Марта только-только отмахалась от этой безумной Лики, у людей в памяти еще

свежа мысль, что соосновательница агентства «Видали?!» поучаствовала в какой-то гнили, - откликается Аня, снова гипнотизируя взглядом спатифиллум. Видимо, зеленый цвет ее вдохновляет. - Если сейчас паровозиком пустить «селедку» - можно здорово врезать по имиджу.

- А это точно он? – осторожно подает голос Зоя.

- Вообще, мы с ним не ссорились, - я пожимаю плечами.

- Веня предпочитает избегать открытых конфликтов. Но по черк похож... Ладно, сейчас спрошу.

Без долгих размышлений я беру телефон и набираю номер.

- Пономарева? – отзывается он жизнерадостно. – Какие люди! Сто лет тебя не слышал! Скрипишь еще, старушка?

Его проникновенный, подвижный, чуть звенящий голос тут же вызывает в памяти образ: невысокий, стройный, всегда гладко выбрит, одет в интересные вещи в стиле смарт-кежуал, в целом очень ухожен и с олдскульной серьгой в ухе. Самодовольный человек с вечной хитрой ухмылочкой и веселым взглядом карих глаз. Смотришь на него – и даже не верится, что такой выхоленный пижон изнутри насквозь изгажен, как старый матрас в общежитии.

- Веня, ты на громкой, - предупреждаю я. – У нас тут собрание, возможно ты догадываешься по какому поводу?

- Возможно, - он так выразительно усмехается, что сразу ясно – не только догадывается, а точно знает.

- Твоих рук дело?

- С чего ты взяла?

- Почерк знакомый.

- Ты узнаешь меня по почерку? Как это мило с твоей стороны!

- Веня, на фига?

- Это бизнес, детка, ничего личного!

- Кто заказчик?

- Марта, ты думай, что говоришь! – оскорбленно восклицает он. – Я хоть раз заказчика слил?

- А ты попробуй. Получишь новый интересный опыт.

- Нет уж, сама думай, кому на хвост наступила. Все, я занят, пока!

Веня бросает трубку, а Аня, раздраженно вращая в пальцах карандаш, произносит:

- Вот уродец! Уже сколько лет он тебе завидует?!

- Завидует? Ань, серьезно?

- Ну, знаешь, не всем в жизни так везло! – восклицает она. Мне приходится взять паузу и посмотреть на нее долгим пристальным взглядом прежде, чем до Ани доходит, что она сказала. – А! Ну, в смысле... Ты выглядишь, как человек, которому все всегда с неба падает – крутая работа, деньги, отношения... И Владлен тебя уважал, в пример ставил...

- А! Вот за это спасибо! – усмехаюсь я.

- Не злись, я не хотела тебя обидеть, - примирительно просит Бересклетова.

- Я знаю. Проехали.

Но, вообще-то, момент показательный. Пока я покорно следовала судьбе, везением в ней и не пахло. Моя самая большая удача – моя упрямая голова, упорно верившая в то, что я все смогу. Но если даже Аня, которая а курсе всех моих жизненных перипетий, забывается настолько, что утверждает, что мне «повезло», что уж говорить о посторонних людях, которые меня знать не знают? Увидят благоустроенную самодовольную стерву, сравнят с бедненькими родителями и решат, что такая точно добывает деньги исключительно бесчестными и грязными способами, а за отношение к маме с папой заслуживает максимально жестокой публичной казни. К гадалке не ходи.

- Итак, - вздыхает Татьяна, - перед нами два классических вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?».

- А с этим вообще реально что-то сделать? – интересуется Артем.

- Конечно, - отвечаю я. – Против правды всегда можно противопоставить другую правду. Еще более неприглядную. И тогда все встанет на свои места.

- То есть, у тебя на него тоже что-то есть?

- Нет, не на него. Я имела в виду, что люди должны теперь услышать мою версию. Главное ее правильно подать.

- У меня предложение! – Аня поднимает свой карандаш, привлекая внимание. – Давай, я организую тебе интервью с Черникиной?

У меня против воли сводит скулы. Черникина – одна из

самых востребованных ведущих в городе, ее знают в лицо почти все жители Петербурга. Черникина – это уже не второсортный каналец, не брезгующий перевранным контентом. Это уже серьезное СМИ, а эфиры она и правда проводит яркие, экспрессивные, умеет грамотно поставить вопрос и ловко выдернуть суть из контекста. Беда лишь в том, что она совершенно беспощадна к людям. Идол Черникиной – годный медиа-продукт, который будут смотреть и обсуждать. Ради этого она способна быть по-настоящему жестокой.

- Черникина постарается меня закопать, - мрачно говорю я, - предварительно разделав на рагу.

- Вот именно! – с энтузиазмом кивает Аня. – И это все будет очень искренне! Она будет тебя кусать, провоцировать и все такое, но с ее агрессией ты уж всяко справишься. Зато вас точно будут слушать! И когда ты донесешь свою позицию – это по факту будет сильнее, чем весь тот бред, который Веня людям показал. Подумай!

Вот приятно, когда твой деловой партнер в тебя так верит! Что ж, идея интересная. Мне она не нравится потому, что придется пережить неприятные мгновения, но смысл в этом точно есть.

- Ладно, давай попробуем, - без восторга соглашаюсь я. – Только у меня одно условие: пусть пригласит еще кого-то из специалистов – нарколога там, психиатра. Если нужно, я могу сама подобрать. Как думаешь, согласится?

- Идея! На твоих точно не согласится, но вообще против

эксперта, думаю, возражать не будет. Наоборот, одобрит, это ж по-любому только добавит глубины. Что тогда? Звоню?

- Ага, давай.

- Отлично. Я к себе, мне там удобнее.

- Тань, теперь ты. Как только Аня даст отмашку – размещай наши комментарии по теме: ситуация неприятная, задето мое доброе имя. Это требует ответа – и дальше анонс эфира с Черникиной. Тон спокойный, сдержанный, без истерик и лишних подробностей. Общий настрой – естественно, нам это неприятно, но не более того. Людей ввели в заблуждение и скоро мы все разъясним.

- Понял, принял, - с деловым видом кивает она. – Я тут ситуацию мониторию, через пару минут доложу, на каком мы свете.

- Марта, я выйду в приемную ненадолго? Там кто-то звонит, может, заказчик.

Проводив Зою задумчивым взглядом, Артем обращается ко мне:

- Ты очень спокойно держишься, - говорит он. - С тобой точно все в порядке?

- Да нет, конечно. Меня это бесит и мне страшно.

- Боишься, что не сможешь отмыться?

- Боюсь за агентство. За себя не переживаю, я с таким всю жизнь сталкиваюсь. Артем, я родилась в неблагополучной семье. Это не просто характеристика нашего положения, это... определенный стиль жизни, скажем так. Как думаешь,

многие родители хотели, чтобы их дети дружили с такой, как я? И что обо мне говорили? Весь район знал, что родители пьют, все их периодически видели в состоянии нестояния. И понятно, что я в детстве особыми талантами не блистала. Никто со мной особо не занимался, я даже в кружки не сразу начала ходить.

- Почему?

- Потому, что для того, чтобы ребенка взяли в кружок, должен прийти родитель, поговорить, узнать, что к чему, документы подписать. А мои родители не всегда были в курсе, какой день недели на дворе.

- А как же учителя? Соцслужбы?

- А я никому не жаловалась. Ты как себе это представляешь? Это был мой самый большой кошмар, что однажды придут люди, увидят, как мы живем, и меня у мамы с папой заберут. Я молчала. Но подожди, я тебе все это говорю не к тому, что меня надо пожалеть. Наоборот, посмотри на меня, я справилась. И я давно уже научилась отвечать тем, кто хочет меня задеть через родителей. Поэтому мне неприятно, но не более того. Выкручусь. Может, даже с прибылью. А вот вопрос, что кто-то хочет врезать по агентству, меня действительно волнует. Я не понимаю кто и почему. И это меня тревожит. Для меня «Видали?!» - это не просто работа. Это символ того, что я справилась с предопределенностью. Я изменила свою жизнь, и мне страшно, что кто-то хочет отнять мое благополучие. Я боюсь, что даже если сейчас мы

отмашемся, кто-то попробует убить нас нова. А агентство – не кошка, у него не девять жизней.

- И что тогда?

- Не знаю... Пока нужно разбираться с тем, что есть. Тань, что в сетях?

- В нас полетели тухлые помидоры и битые бутылки, - уныло сообщает она. – На основании той передачи уже наклепали статей и разных постиков, все мерзкие, и люди под ними и в комментариях, конечно, отрываются по полной. Ты – монстр...

Закончить она не успевает, из приемной возвращается Зоя и выглядит так, что вот-вот зарыдает:

- Ребята из «Текстильной радости» отменили встречу, - дрожащим голосом говорит она.

- Отменили? – расстраиваюсь я. – Жаль, у меня была для них хорошая идея.

- Из «Улыбки бариста» тоже...

- Что тоже? Тоже отменили?

- Угу, - Зоя сидит, низко склонив голову, будто во всех отменах виновата она лично, и совсем тихо бормочет: – А «Серебряная катушка» написала, что временно приостанавливает проект...

Моя помощница слишком впечатлительна и воспринимает происходящее, как катастрофу. Ей кажется, что если сегодня клиенты повернулись к нам спиной – завтра все рухнет. Поэтому Зоя несчастно глотает слезы, наверное, в душе

уже прощаясь с местом, которое ей так нравилось. Артем закатывает глаза, поднимается и говорит:

- Пойдем-ка, выйдем на минутку.

Моя помощница покорно бредет за ним в приемную. Хоть бы он ее там не покусал...

- Тань, что люди пишут?

- Ожидаемо, - отвечает Таня. – Кричат, что сердца у тебя нет, и что родители, какие бы ни были – это святое. Вот умрут – тогда еще наплачешься. Что таких как ты нужно топить в детстве, а заодно ругают государство, президента и жизнь в целом. Ничего интересного.

Да уж, радости мало, но Таня права, ожидаемо. Как и то, что некоторые заказчики уходят. Плохо, но ожидаемо.

- Ладно, Танюш, иди работай. А я дойду до Ани, посмотрим, до чего они там дорешались.

В приемной нас встречает неожиданная картина: Зоя сидит за столом, смиренно сложив руки на коленях, а Артем, непринужденно присев перед ней на корточки и снизу вверх заглядывая в глаза, говорит что-то тихим и довольно ласковым голосом. Завидев нас, моя помощница пугается и смущается, но Артем успокаивающе берет ее за руку. Что у них тут происходит?

В коридоре Таня кивает головой за спину, иронично подмигивает мне и отправляется на рабочее место.

- Черникина счастлива! – довольным тоном сообщает Аня, когда я захожу к ней в кабинет. – Она сказала, что лич-

но подберет специалиста для эфира, а с тобой будет беседовать предельно жестко, пощады не жди. И пообещала как можно громче растрезвонить об интервью. Готовься!

Мам, пап, знакомьтесь, это Марта

- Если хочешь, я могу отменить встречу, - Марк смущенно треплет свою бородку, сидя напротив меня в кафе за чашкой кофе.

- И что подумают твои родители?

- Они поймут...

- Уверен?

Судя по молчанию, он не уверен. Просто не хочет расстраивать меня.

- Насколько я разбираюсь в жизни, вот как раз сейчас твои родители хотят познакомиться со мной в два раза сильнее. Хотят понять, во что ты влип. После всего, что было, их можно понять.

- Марта, я очень люблю своих родителей и ценю их мнение, - веско говорит Марк. – Но ты ж понимаешь, что решение с кем мне общаться, я принимаю сам? Независимо от их симпатий или антипатий.

- Конечно, понимаю. Но и бегать от знакомства не собираюсь. Проблемы вообще редко решаются беготней. Я готова к знакомству. Только если ты сам не хочешь...

- Я хочу.

- Тогда поехали.

Несмотря на уверенный настрой, перед домом родителей Марка я все равно робею. Если с ним я себя чувствую на од-

ном уровне, то здесь явно уровень выше. Я живу в неплохом, даже престижном районе, но здесь район элитный – клубный квартал с видом на воду. Сюда не забредают случайные люди, здесь все пропитано сытостью и благополучием, и ко мне ненадолго возвращается знакомое с детства чувство, словно я – жалкая дворняжка, забрела на выставку холеных породистых псов. И сейчас они меня ка-а-ак облают...

Начало сентября все еще очень летнее. Ветра нет, что очень кстати, можно не волноваться за прическу, а солнце красиво освещает закрытый внутренний дворик, радующий аккуратными деревцами и стильными клумбами. Марк шагает легко и уверенно – он здесь дома, ему здесь уютно и спокойно. А мне – ну так хочется сбежать!

Но я лишь поудобнее перехватываю букет. Страхи в сторону! Мне стесняться нечего, наоборот, есть, чем гордиться. И нечего накручивать себя, придумывать заранее какое-то отношение ко мне. Напредставляю сейчас гадостей – будет потом мерещиться в каждом слове и жесте то, чего нет.

Прежде, чем открывается дверь, Марк успевает ободряюще погладить меня по спине, шепнуть «Смелее, они не кусаются!» и чмокнуть в ямку за ухом.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве – это то, что у Марка ужасно некрасивая мама. Не шучу. Она невысокая, с непропорционально широкими плечами и узкими бедрами. У нее пронзительные светлые глаза, крупный нос с горбинкой, тонкие губы. Конечно, отчасти все это компенсиру-

ется умело подобранной одеждой, классной прической, тщательным макияжем, стильными украшениями. Эта женщина некрасива и знает об этом. Но она себя любит и умеет себя подать.

А вот папа, в отличие от нее, просто великолепен. Крупный, породистый, роскошный. Сразу понятно, в кого пошел Марк. И эспаньолки у них – ну просто один в один.

Мы вежливо здороваемся – никаких панибратских объятий с малознакомой женщиной, даже если ее привел сын, в этом доме не приветствуется. Особенно в свете моей сомнительной славы, склепанной неоднозначным новостным каналом и растиражированной всеми, кому не лень.

Марк знакомит нас:

- Мама, папа, знакомьтесь, это Марта. А это моя мама, Наталья Игоревна, и папа, Михаил Илларионович.

- Рады познакомиться, Марта, - мама одаривает меня хорошо поставленной улыбкой.

- Взаимно, очень приятно! Это вам.

Я протягиваю цветы, и она восклицает:

- Ах, какой букет! Пойду, поставлю в воду.

На мое счастье, к знакомству не запланирован никакой торжественный обед, только обещанный кофе, который мы пьем, расположившись в гостиной. Она обставлена очень стильно и комфортно, без вычурной мебели в духе «дорого-богато», все сдержанно, в бело-серо-бежевых тонах, которые благодаря аксессуарам и качественному теплomu осве-

щению, создают ощущение удивительного покоя и уюта.

Марк рассказывает обо мне с большой гордостью, касаясь в основном рабочих тем. Отмечает как большую заслугу мою вежливость и заботу в отношении нашего несостоявшегося сотрудничества, подчеркивает великодушие по отношению к безумной Лике.

Но весь его энтузиазм словно упирается в невидимый фильтр. Марта, успешная совладелица престижного агентства, какой он видит меня, и Марта, держащая нищих родителей в черном теле, какой они уже наверняка увидели меня в новостях – два слишком разных человека. И это будет стоять между нами до тех пор, пока ситуация не разрешится.

Я благодарна родителям Марка уже за то, что не делают поспешных выводов. Мне ни словом, ни взглядом не дают понять, что я здесь не к месту. Но и объятия распахивать не спешат. Эти люди хотят сначала сами во всем спокойно разобраться, и я благодарна им за мудрость. Услышав одну сторону, они готовы принять доводы другой. Но пока я их не предоставлю – они не примут меня.

Я, в свою очередь, тоже не поднимаю эту тему. Мы обсуждали это с Марком, и оба решили, что будет лучше, если его родители услышат мою точку зрения также из новостей. Если я сейчас вылезу с инициативой и начну это объяснять – получится слишком похоже на оправдание. Если бы публичное опровержение не планировалось, в этом был бы смысл, но поскольку эфир с Черникиной уже через два дня, лучше,

чтобы они все увидели с экрана так же, как и тот первый, порочащий меня, репортаж. Пожалуй, можно даже сказать, что именно тогда в полной мере состоится наше настоящее знакомство.

Поэтому мы ведем обычную светскую беседу, вращающуюся в основном вокруг общих тем. Настрой сдержанно-дружелюбный, и поняв, что никто не собирается устраивать мне допрос с пристрастием или тыкать носом в отношения с родителями, я сначала успокаиваюсь, а потом постепенно перехожу к восхищению Натальей Игоревной. С исключительным тактом она обходит все острые углы в разговоре, и за каких-то полчаса общения с ней и ее мужем я от вопроса «Что он в ней нашел!?» органично перехожу к убеждению «Как же ему с ней повезло!».

Наталья Игоревна – абсолютно пленительная женщина. Да, внешность спорная, хотя этот облик однозначно очень надолго врежется в память. Но все равно мама Марка неотразима. В ее мимике, в ее жестах, в тембре речи, в глубоких пронизательных взглядах главенствует даже не уверенность, и тем более не нарциссизм или самолюбование, а какое-то очень живое и теплое принятие себя.

Сопровождая разговор своей удивительной, своеобразной, но магнетической улыбкой, она обсуждает со мной модные тренды уходящего лета, делится впечатлениями от недавней поездки в горы, спрашивает, что я думаю по поводу организации выставки цветов. Михаил Илларионович

следует в беседе за женой, бесспорно отдав ей инициативу, но бросает на меня порой такие пронизательные взгляды, словно у него в черепной коробке встроен портативный магнитно-резонансный томограф, который просвечивает меня до последней хромосомы. Впрочем, внешне он такой же дружелюбный и деликатный, как и его жена. Я ловлю себя на мысли, что было бы очень, ну просто очень любопытно услышать, о чем они будут говорить, когда мы уйдем.

- Очень рады с вами познакомиться, - напоследок улыбается Наталья Игоревна. Улыбается искренней и мягче, чем полтора часа назад. – Будем рады видеть вас снова.

- Мам, я позвоню, - Марк целует ее в щеку. – Пап, до встречи.

С отцом они обнимаются и дружески хлопают друг друга по спине.

- Фух! – говорит Марк в машине. – Супер! Ты им понравилась!

- Думаешь?

- Сто процентов. Их, конечно, смутила эта муть в новостях, но мои родители не из тех, кто верит всему, что плавает в медиапространстве. Как ты?

- Устала.

- Понимаю. Чего хочешь? Покушать, попить, на ручки?

- На ручки, - смеюсь я. – Знаешь, ты очень заботливый. И это очень ценно для меня. Спасибо тебе.

На миг он отрывает взгляд от дороги и посылает мне быст-

рый воздушный поцелуй.

- Так чего же ты хочешь?

- Пошли в кино, - подумав, решаю я. – На что-нибудь легкое и смешное. Хочу расслабиться.

В кинотеатре в будний вечер народу мало, хотя комедия очень даже удачная – забавная и остроумная, то, что нужно, чтобы на время отключиться от проблем. Кресла широкие и такие удобные, что в них просто не получается сидеть – они предназначены для непринужденного валяния. Минут через десять я скидываю туфли, еще через пять – пристраиваю голову к Марку на плечо. Он обнимает и легонько целует меня в макушку.

В зале работает стереосистема и такие звуки, как стук сердца, конечно, уловить просто нереально. Но мне все равно кажется, что я его слышу. И, вопреки всем неурядицам, мне так хорошо, как бывало очень-очень редко в моей жизни. Мы смотрим кино, смеемся, обнимаемся – и кажется, будто весь мир в этот момент влюблен и счастлив вместе с нами. Несмотря ни на что.

Общественности нужен враг

Скандал – один из самых простых и эффективных способов привлечь внимание аудитории. Ничто так не волнует умы граждан, как хороший, качественный, эмоционально-насыщенный скандал, особенно если он с каким-нибудь порочащим душком. Человечество может покорять космос и наблюдать редкие кометы, завершать мегалитические стройки, страдать от нехватки питьевой воды или повышения цен на яйца и гречу. Но при всем при этом какой-то маленький частный случай может заставлять переживать намного сильнее, если он достаточно скандальный.

В СМИ такие случаи называют резонансными, «пятые колонны» ловко используют их в механиках управления народными настроениями, политики применяют в борьбе за любовь электората, мошенники с их помощью залезают глубоко в карман даже к мудрым и опытным людям. А пиарщики всего мира ежедневно ищут способы изобрести такой скандал, который позволит генерировать множество яркого, но управляемого хайпа.

Потому, что мощный хайп – это деньги. Чем громче история – тем она выгоднее, причем не только тем, кто ее закрутил, но и различным рыбкам-прилипалам. Вот некая звезда отморозила на сцене нечто непотребное – про нее заговорили. Про нее узнали даже те, кто в принципе не интересуется

музыкой. И на следующий концерт ее билеты раскуплены, едва попав в кассу. Парадокс, правда? А вот некий безвестный блогер, присоединившись к этому хайпу, пишет удачную статью-разбор. Там может быть вообще все от балды, но сказано уверенно – и опа! – его уже читают и репостят, как никогда раньше.

Но есть нюанс. Чем грязнее, возмутительнее, гаже скандал – тем менее предсказуемы его последствия. Вот устроили ребята вечеринку провокационного содержания – и получили волну народного гнева. Да, они у всех на языке, но реакция свернула не туда, и вместе с повышенным интересом получаем эффект отмены, потерю контрактов и репутационное увечье. Потому, что чем чернее хайп – тем сложнее предугадать, куда понесет эту лавину.

Передавав на чужие эмоции, можно получить массовый срыв, тильт, когда логика отваливается и остается только инстинктивная эмоциональная реакция. Иногда это даже неплохо срабатывает – кое-кому полезно получить по сопатке, чтобы не зарываться. Но в целом опасность именно в стихийности, в моменте, когда личность утрачивает критическое мышление, становится частью толпы и падает до примитивных порывов: «Мочи его!». Экологичным хайпом можно управлять, черным – практически невозможно. Но не всех это останавливает.

Я тщательно готовлюсь к эфиру с Черникиной – он должен поправить дело. Но до того, как мы успеваем его прове-

сти, происходит еще одно, на этот раз поистине чудовищное событие, которое снова перекраивает реальность. И снова не в нашу пользу.

С утра пораньше новостная лента пылает: ночью в пожаре погибла пожилая пара. Причина – короткое замыкание, неисправная проводка в допотопном электрическом чайнике. Старички жили небогато и, видимо, старались эксплуатировать вещи до последнего. Чайник пыхнул в кухне, где помимо него было еще достаточно много изделий из дешевого пластика. Не столько горело, сколько дымило, но этого отравного едкого дыма супругам хватило – к моменту, когда вызванные соседями спасатели вскрыли дверь, оба уже давно не дышали.

Общественность в шоке и печали. СМИ тиражируют новость, а после нее в формате: «Кстати, а вот недавно был еще случай с пожилыми...» упоминают, естественно, меня. Но это, конечно, цветочки. Ягодки размером с тыкву вырастают, когда все тот же канал, одним из информаторов которого, как мы теперь знаем, выступает Веня, бодро фигачит материал, вроде бы посвященный пожару, но по факту мастерски переводящий акценты тоже на меня.

И еще как переводящий! Все-таки в умении применять инструменты манипулятивного управления вниманием аудитории Веня профи. Настоящий профи! Он так тонко и так эффективно переключается с бытовой трагедии на меня и мою семью, что я поневоле восхищаюсь его талантом.

Впрочем, восхищение длится недолго, я догадываюсь, что его очередной наезд обернется для меня и агентства большими неприятностями.

Случай слишком жестокий, он пугает своей обыденностью, своей бытовой простотой – в твоём собственном доме с тобой может разделаться старый чайник. Или фен. Или холодильник. Это плохо, несправедливо и страшно еще и потому, что за этим стоит судьба. Судьбу ведь не призовешь к ответу. Чайнику бесполезно объяснять, что он неправ. Бесполезно пытаться его запугивать или взывать к его совести. На чайник не выплеснешь свое напряжение, свой страх, свою ярость.

А вот с человеком это возможно, поэтому общественности нужен враг. Нужен тот, кто за все ответит. Для нас эта ситуация – непредвиденная трагическая случайность, но именно она превращает хайп вокруг меня и «Видали?!» из управляемого, хоть и тошнотворного информационного потока, во всеобщую истерику, стихийную и непредсказуемую.

Ни я, ни моя семья не имеем отношения к этой ситуации, но поскольку мое активно упоминается – люди получают своего антигероя. Вот она я, преступная Марта, морящая голодом собственных родителей, доводящая до грани всех стариков Земли. Вот она, рядом – хватай и бей!

И бьют.

Возмущение лавинообразно перерастает в ярость, ярость – в хейт, а хейт – в травлю. К тому моменту, как я доезжаю

до офиса, у людей срывает чеку. Мой телефон изнемогает от вибрации, я поставила его на беззвук, так как мне в мессенджеры и соцсети звонят и пишут незнакомые люди. Меня посылают и проклинаят, взывают к моей совести и угрожают. Отныне я в глазах людей не просто жестокая дочь своих родителей, а тварь, представляющая угрозу для всех пожилых людей. А что делают с тварями – догадайтесь сами. На вилы их! На вилы!

Я не вчитываюсь и не отвечаю. Но и не отключаю телефон, боясь пропустить что-то важное. Уже когда паркуюсь на стоянке у бизнес-центра, в эту оргию прорывается Марк.

- Марта, ты где? Ты в порядке? – он так переживает, что даже кричит.

- Привет, не волнуйся, все нормально, - со вздохом отвечаю я. – Приехала в офис, сейчас буду подниматься. Народ сходит с ума, но я справлюсь.

- Ты точно в порядке? Хочешь, я приеду?

- Спасибо, Марк, - от его предложения на душе становится теплее. – Не нужно, не переживай. Просто резонансная новость как катализатор, люди на этом всегда стравливают пар. Мне неприятно, конечно, но думаю, скоро все утрясется.

- Марта, - серьезно говорит он. – Для тебя я на связи в любой момент. Даже если тебе просто захочется, чтобы я побыл рядом. Более важных дел у меня сегодня нет. Поняла? Если что, звони в любой момент!

- Хорошо. Спасибо тебе! – несмотря на обстоятельства, я

улыбаюсь. – Ладно, я пошла. Целую.

Вот. Уже можно говорить друг другу «целую». Пустячок, а приятно!

Я ошибаюсь в своих прогнозах насчет «сравить пар» – переполох с каждым часом лишь набирает силу. Интернет наполняется мемами с моим участием, весьма отвратительными, но это еще куда ни шло. Хуже то, что распространяются фейки. Все как будто забыли, что ушли из жизни совсем другие старички, с которыми я даже не была знакома. Это неважно. Важно то, что я, такая бесаячая, обнаглевшая, жестокая, продолжаю спокойно жить, когда тут такое! Поэтому люди измышляют, перевирают, присочиняют и перепродают это друг другу за чистую правду.

И вот уже оказывается, что это меня не раз видели пьяной вдрызг, а однажды я упиалась до такой степени, что заснула прямо на лестнице. Что я забираю у родителей их мизерные пенсии, а если не хотят отдавать – избиваю их. Что я запрещала соседке звонить в социальные службы и обращаться за помощью, угрожая ножом. Море интернет-пространства быстро покрывается серой, плотной, вонючей пеной лжи, которая неистово множится и ползет куда-то за горизонт. Голос разума, то есть, официальных СМИ, которые опираются на факты и призывают не делать поспешных и неправильных выводов, моментально захлебывается в этой пене, без единого шанса.

- А эфир только послезавтра... - задумчиво протягивает

Аня, сидя в кресле напротив меня и обращаясь ко мне, но взглядом медитируя все на тот же спатириллум, что и накануне. – Продержаться бы. Вот умеешь ты, Марта, быть в центре событий!

В кабинет заглядывает Зоя – щеки пятнами, глаза на мокром месте:

- Можно я тут немного посижу? Телефон звонит постоянно, мне там такое говорят...

Артем задумчиво смотрит на нее и поднимается:

- Выпей кофе. Я поотвечаю на звонки.

Он выходит, Зоя следом за ним возвращается в приемную, чтобы сделать себе кофе, а мы с Аней одобрительно переглядываемся.

- Даже интересно, что из этого выйдет, - заинтригованно произносит она.

Через полчаса мы выясняем, что «мальчик», оказывается, тот еще тролль.

- Да, это офис агентства «Видали?!», я секретарь Марты Пономаревой, - невозмутимо отвечает он. – Что вы сказали? Представьте, пожалуйста, чтобы я смог записать ваше сообщение... Нет, на словах я не могу, у нас есть регламент, в соответствии с которым я обязан сначала зафиксировать ФИО и контактные данные абонента, а уже потом записывать информацию... Сожалею, но в таком формате я сообщения не принимаю... Как вы сказали? Что куда засунуть? Продиктуйте, пожалуйста, по буквам, очень плохо слышно... Да вы

не переживайте, конечно, все звонки записываются... Ой, куда же вы? Так, следующий!

- Во, дает! – восхищается заглянувшая на огонек Таня. – Наш человек!

Зоя смотрит на своего спасителя с тихим обожанием, и за полтора часа дважды делает ему кофе, причем второй раз подкладывает еще и свою шоколадку.

- Из чего же, из чего же сделаны наши мальчишки? – иронично напевает себе под нос Юра. И нам всем за компанию с ним страшно интересно, где Артем умудрился отрастить себе такие луженые нервы.

Но если наблюдать за тем, как сын олигарха отбивается от хейтерских атак интересно и местами даже весело, то остальное положение дел удручает. Телефонно-мессенджерный Армагеддон обрушивает работу приемной. Один из наших давних постоянных клиентов разрывает отношения, причем делает это письменно, по емейлу и очень категорично. В целом обстановка довольно нервная, сосредоточиться сложно.

К вечеру я выжата. Нужно продержаться еще один день, а это будет непросто. В новостях то и дело всплывают подробности об ужасной гибели пожилой пары, люди ужасаются и по умолчанию переносят свой гнев на меня. Шокирующая ситуация всегда очень быстро формирует нейронные связи, а дальше уже восприятие фигабит по ним, как по маслу. Если утром у кого и были сомнения в том, имею ли я отношение к

этой трагедии, то сейчас все происходит автоматически, по цепочке: смерть несчастных стариков – проблемы пожилых людей – Марта Пономарева, которая обижает пожилых людей.

Конечно, достается не только мне. Проблема вообще не в моих эмоциях. Мои эмоции что? Поплакал – и забыл. Но я – соосновательница агентства. И люди, отворачиваясь от меня лично, заодно разрывают отношения и с компанией. Все что могло сорваться – посрывалось. О новых клиентах сейчас, конечно, вообще можно забыть. И даже с самыми лояльными из постоянных все держится на очень тонком клее. Я сегодня имела несколько весьма сложных разговоров, которые позволили мне в этом убедиться.

А завтра еще целый день. Черникина и сама бы рада не ждать так долго, а провести интервью по горячему, но эфирная сетка – штука не настолько гибкая. Случай, конечно, резонансный, но не единственное событие в городе и мире, чтобы ради него так спешно все перекраивать.

- И все-таки, как так получается, что при всем при этом ты не истеришь, не психуешь, не бьешься головой об стенку? Видно, конечно, что ты переживаешь, но я не знаю, меня бы на твоём месте, наверное, вообще трясло, - задумчиво говорит Артем, перед тем, как уйти.

- Видела я, как тебя трясло, - смеюсь я. – Ты сегодня Зою просто спас от растерзания и глазом не моргнул.

- Это другое. Для меня здесь все, ты только не обижай-

ся, все немножко как игра. Я, конечно, переживаю за «Видали?!», но я здесь новенький, и знаю, что надолго не задержусь. Но вообще, я рад, конечно, что попал сюда именно в такой момент.

- В смысле?

- Цейтнот – это идеальный вариант, чтобы поучиться гибкости. В случае моего отца стратегия была бы другой и совершенно однозначной – дать сдачи. Причем врезать так, чтобы враг не поднялся. Он рыл бы землю, чтобы найти заказчика и сразиться с ним. Вы же идете от ситуации, и в этом ваша очень большая сила. Мой отец в свое время создал почти гениальную структуру и назвал ее «Ноксархи». У него получилась очень стабильная, устойчивая, где-то даже самонастраиваемая система, и это вскружило ему голову. Но если система контактирует с внешним миром, и при этом не адаптируется под реальность – рано или поздно она рушится. Мой отец не хочет слышать об адаптации. Он рожден для того, чтобы прогибать этот мир. Если технологии не вписываются в его систему – он игнорирует технологии. Если новые стили управления не встают в наши процессы – он отвергает их. «Ноксархи» на самом деле – очень крутая компания, и я ее очень люблю. Но отец хочет, чтобы я делал, как он и чтобы я думал, как он. Он хороший человек, но сложный. Раньше он пугал меня тем, что за неповиновение отлучит от управления «Ноксархи». А сейчас я, наверное, созрел до того, чтобы выбирая между компанией и собой – выбрать

себя. Ты часто говоришь такие слова: «Я справлюсь». Вот и я сейчас чувствую, что справлюсь. Хотя мне и не хочется это проверять.

- Знаешь, Артем, - говорю я искренне, - ты очень умный.

- У меня хорошее образование, - соглашается он, - но мало жизненного опыта. Марта, спасибо тебе! Мне правда интересно здесь, в «Видали?!», и все, что здесь происходит, в чем я участвую – мне это правда нужно. С агентством точно все будет в порядке?

- Я не могу тебе этого обещать. На моей памяти это – самая крупная проблема, с которой мы сталкивались когда-либо. Но плюс в том, что игра идет на нашем поле – на информационном. Мы не видим врага, но хорошо ориентируемся в результатах его действий. Послезавтра будет эфир с Черникиной. В свете последних событий его точно будет смотреть очень много народу. А я уже хорошо себе представляю, что и как сказать.

- Черникина реально хочет тебя закопать?

- Сто процентов. Но Аня права, так даже лучше. Если бы Черникина мне подпевала, все решили бы, что она меня выгораживает. А так люди будут видеть ее нападки и понимать, что все, что происходит – это правда. А мне именно это и нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.